

ЛЕГЕНДЫ ЗАПАДНОГО ХОЛМА

12+

В ТЕНИ ОХОТНИКА

КНИГА I
ПЕРЕКРЕСТЬЕ ДОРОГ

ЕЛЕНА САМОЙЛОВА

Елена Самойлова

**В тени охотника 1.
Перекрестье дорог**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Самойлова Е. А.

В тени охотника 1. Перекрестье дорог / Е. А. Самойлова —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Так устроено в Срединном мире, что быль со временем превращается в легенду, а потом всего лишь в сказку, рассказанную бродягой у костра. В красивую и пугающую сказку о чудовищах из Сумерек, что наблюдают из каждой тени, о потомках этих чудовищ, ставших «малым народцем», и о таинственных спутниках, что могут одним своим присутствием увеличить силу смертного волшебника... Молодой чародейке Арайе придется на собственном опыте узнать, сколь велика доля правды в таких сказках – и ценой этого знания станет путь назначенной жертвы в охоте сроком на семь лет и один день. Впрочем, для охотника, ставшего ее тенью, дорога к свободе окажется еще труднее...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Самойлова

В тени охотника 1. Перекрестье дорог

*Автор выражает благодарность Евгении Шпилевой,
и Елене Семиколенных за героическую стойкость
при создании романа и вычитке,
всестороннюю поддержку и бесценные консультации.*

Пролог

Говорят, в мире почти не осталось чудовищ. Те, кто осмелились когда-то проникнуть к людям с изнанки тени, были изгнаны почти три сотни лет назад обратно в бесконечный мрак великим волшебником из рода людей. Шло время, и подвиг Кармайкла Огненного обрастал новыми подробностями, превращаясь из истории в легенду. Старые сказки о падении Сумерек еще хранили в себе намеки на то, что в том последнем, решающем бою волшебник сражался не один, что помогали ему ши-дани из Алгорского Холма и штормовой ветер с далекого океана, но нынешние менестрели пели совсем другую песню. О том, что лишь вера волшебника в собственные силы, величайшее упорство в достижении цели и огромная удача помогли ему одолеть сумеречную королеву, прогнать чудовищ во мрак и навеки закрыть им обратную дорогу. Вот только сил на то, чтобы сохранить собственную жизнь, Кармайклу Огненному не хватило. Остался он на том выжженном поле, и приняла его земля людей, как великого героя. Приняла без остатка, а в качестве надгробия вырастила плакучую иву с тонкими серебристыми листьями, что на ветру звенят, будто колокольцы...

Люди говорят, что не осталось чудовищ...

И ошибаются. Горько, жестоко, наивно ошибаются.

Потому что Кармайкл Огненный лишь закрыл дверь, но не изгнал сумеречных тварей, что бы ни говорили глашатаи волшебного ордена и сами волшебники, вознесшие Кармайкла на пьедестал великого героя. Иначе откуда в лесах Вортигерна появляются доселе невиданные существа, великаны в красных, вымоченных в людской крови колпаках, кровь на которых не высыхает благодаря колдовству, и прекраснейшие на вид создания с черной, как изнанка тени, душой, чьи жестокие забавы стали основой для новых суеверий? Уже не прежние сумеречные твари, выскальзывающие из тьмы, с изнанки тени с помощью заклинателя. Другие. Смешавшие свою кровь, свою магию с магией и кровью людей. Прижившиеся. Размножившиеся. Ставшие новым видом, с существованием которых поневоле пришлось мириться.

И не удержать было их расселение, расплзались они, как горящие искры, как языки пламени от плохо затушенного костра по сухостою, охватывали одну область за другой, как лесной пожар. Не приближались они только к Алгорским Холмам, и эти древние вместилища иных волшебных созданий стали своего рода крепостью, у которой находили прибежище и люди, и звери.

Те, кто посмелее, поднимались на вершину одного из Холмов, жгли костры, искали ответы на вопросы. Некоторым удавалось увидеть истинных детей природы, увидеть ши-дани – и вернуться к людям с новым знанием, которое стало единственным средством борьбы против новой напасти. Слабости-то у сумеречных созданий, несмотря ни на что, остались прежними – огонь, магия и холодное железо. А еще соль, полынь и солнечный свет. Ярко горящий очаг, соль, рассыпанная у порога, да подкова из холодного железа над дверным косяком неплохо защищали дом от незваных гостей, приходящих с заходом солнца, а уж если пришли эти самые гости, да не желали уходить, на помощь человеку приходил добрый меч, ладанка с полынью да великая удача. Потому что без удачи в этом деле никуда, и если против мелких злобных карликов, что воровали детей из колыбели, еще можно было найти управу, то что сделаешь с великаном, который ломится в дом, пробивая крепкую бревенчатую стену, как гнилой плетень?

Люди утверждают, что чудовищ – настоящих, невиданных, опасных – уже не осталось. Сумеречные твари, существа с изнанки тени, не живые и не мертвые, почти исчезли, оставив после себя только легенды и страшилки. Впрочем, кое-кого они после себя оставили. Своих потомков, которым люди дали новое имя – «фэйри»...

Давно не появлялись живые стихии – фээриэ. Они разбрелись по высоким заснеженным горам, прижились над необъятными океанскими просторами, ушли глубоко под землю. Шидани остались лишь в Алгорских Холмах, только там они до сих пор появлялись открыто перед людьми. Только у подножия четырех холмов можно было еще увидеть величественную осеннюю королеву в короне из золотой листвы и рубиновых ягод боярышника, зимнего царя в виде огромной гривастой рыси, хоровод крохотных крылатых весенниц или деву, в душный летний полдень прячущую оленьи ноги под длинной зеленой юбкой.

А фэйри... Они теперь были повсюду.

Так кто же сказал первым, что чудовищ больше не осталось?

Один бородатый менестрель, не расстающийся с дорожной палкой и раз сто латаной-перелатаной сумкой, утверждал, что слух этот первыми пустили сами фэйри.

Ведь куда как легче обмануть и загнать в качестве добычи неподготовленного путника, чем нарваться на смертоносное холодное железо, спрятанное поближе к телу. Тихо проникать в обычный дом, а не пробиваться с боем в защищенную железом, огнем и солью маленькую крепость...

К сожалению людей, далеко не каждый дом был защищен должным образом. Кто-то не желал верить рассказам, что приносили путники, проходившие мимо Алгорских Холмов, кому-то проще было доверять словам волшебников из Вортигерна, а кто-то просто устал опасаться каждой тени, каждого слишком красивого лица, каждого шороха в ночной тьме – и последних было подавляющее большинство. Люди устали бояться темноты – и слишком многие заплатились за эту усталость, за это нежелание возвращаться к тем временам, когда приходилось опасаться каждой густой тени, каждого перекрестья дорог глухой ночью...

И вновь поползли истории о тех, кто пропал без вести. О тех, кто вышел ночью во двор до соседнего дома и не дошел даже до околицы, о детях, чьи кровати поутру находили опустевшими, о женщинах, которых видели садившимися в повозку на городской ярмарке – и кто пропадал вместе с повозкой и возницей, даже не доехав до ворот...

Тогда люди вспомнили, почему боялись темноты. А вспомнив, взялись за холодное железо, огонь и соль.

И магию, что позволяла призвать на службу волшебных созданий, в том числе и самих фэйри. Они странные, не добрые и не злые, по крайней мере, они сами так о себе думают. На самом деле они просто не различают добра и зла, и в этом они невинны, как и многие волшебные существа. Молодой еще народ, что с него взять. Сколько времени прошло с тех пор, как о них стало известно? Сто лет? Нет, пожалуй, чуть побольше, но для волшебных созданий и тысяча людских лет – срок не слишком большой. Что тогда полторы сотни лет для нового народа, да еще и уходящего корнями куда-то в Сумерки, на изнанку тени? Ничто! Они как младенцы, едва научившиеся ходить и потому с жестоким и чистым любопытством познающие окружающий мир. Им некуда возвращаться, ведь путь к предкам запечатан столь крепко хладным железом и колдовством, что бейся – не бейся, а преграду не одолеть. Этому молодому народцу еще многому предстоит научиться и, быть может, у них это получится, и из жестоких в своей невинности младенцев они станут вначале разумными детьми, а потом и добрыми соседями. Или же злыми – тут уж все зависит от того, как поведут себя люди и чему они сумеют научить фэйри, которые впитывают сейчас знания, как песок воду. Фэйри наблюдают, следят за людьми, но нечасто показываются им на глаза, вот потому далеко на юге об этом новом волшебном народе, неожиданно появившемся в людских землях, даже и не знают. А их все больше и больше, они приходят в людские города и селения в человеческом облике, слушают людские разговоры, запоминают, и иногда в силу своего неутолимого любопытства соблазняют кого-нибудь из смертных, начинают жить с ним или с ней. Нечасто, но в таких союзах рождаются дети – и тогда фэйри уходят, унося с собой драгоценное дитя, обладающее не только колдовской силой молодого народца, но еще и по праву рождения наследующего жизнь

в человеческих землях. Такие дети для фэйри – все равно что якоря, позволяют закрепиться на клочке земли, стать из гостей хозяевами небольшой поляны в лесу, пещеры в холмах или речной поймы.

Многие, если не все волшебные народы, начинали так свою жизнь среди людей.

Взять хотя бы тех же ши-дани – в стародавние времена они были столь же невинны в своем невежестве, как и нынешний молодой народец, тоже любили жестокие шутки. А о чем думали? Да кто же их разберет-то, милсдарь с тугим кошельком? И сейчас-то, когда Старший Народ познал добро и зло, начал понимать разницу между смертностью и бессмертием, мало кто поймет, о чем эти ши-дани думают. Хотя есть одна старая легенда о том, как ши-дани учились пониманию.

Печальная и поучительная легенда о том, как пришла в один из четырех Холмов, что на севере стоят, человеческая дева – вещунья, провидица, а может, просто благословленная дурочка – она перешла через белый костяной мост через кровавую реку, что отделяет мир людей от мира-под-Холмом, который в стародавние времена носил имя Тир-нам-Бео. А оказавшись на той стороне, встретила она с великим королем, который вначале обрадовался той странной гостье, как ребенок – новой игрушке, а потом, наигравшись, прогнал ее, постаревшую и утратившую былую красоту. Вот только до костяного моста гостья, так и не ставшая слугой, не дошла – обратилась в дерево с золоченой, что церковная утварь, корой и с алой, как пролитая кровь, листвою...

Говорят, это дерево и стало для ши-дани Древом Познания, и Старший Народ понял разницу между добром и злом. А для тех, кто не постиг эту разницу, кто в силу молодости, глупости или беспечности не желал прикасаться к Познанию, были созданы колдовские запреты – гейсы. Слышу, как юный ученик библиотекаря шепчет своей подружке, что это Условия колдовства. Ошибаетесь, юноша, видать, не прочитали еще нужную книгу-то. Гейсы – это не Условия колдовства, это ограничения не на силу, а на волю. На право избирать свой путь. Гейсы могут показаться глупыми, странными, смешными – но только не для того, кому приходится их соблюдать. Ведь нарушишь хотя бы один из них – и судьба твоя сделает крутой поворот не к самой лучшей доле. И мало кто находит в себе силы вернуться на прежнюю Дорогу – будь то ши-дани или человек. Хотя было одно исключение, но о нем не стоит говорить, когда за окном столь яростная осенняя буря, еще накличешь беду. Да и ночь непростая, потому я и травлю тут байки вместо того, чтобы отправиться на боковую.

Фэйри? А что фэйри? «Молодому народу» гейсов еще не придумано, а если придумано – то нам, простым смертным, об этом еще нескоро станет известно...

Глава 1

Лето в этом году выдалось сумрачное, унылое, рассыпающееся проливными дождями, столь частыми, что четверть посевов выгнила на корню, а уцелевшие злаки печально наклоняли стебельки к пропитанной влагой почве. Казалось, будто бы природа что-то напутала, и из приветливой, ласковой и многообещающей весны шагнула сразу в сырую, пасмурную осень. Солнечные дни в июне были столь же редкими гостями, как и майские заморозки, а когда подобрался июль, дождей стало только больше. Люди опасались голода и суровой зимы, молились о солнечных днях и обращали взгляд вдаль, к югу, где располагались легендарные Алгорские Холмы. Если верить старым сказкам, то именно там до сих пор живут существа, способные влиять на погоду и урожай, на холод зимой и иссушающий зной летом. Оттуда же, если верить преданию, раз в год, в ночь Самайна выходит в мир пугающее, неудержимое войско, свита, состоящая из мертвецов, сумеречных тварей и волшебных существ – Дикая Охота. И туда же она возвращается перед рассветом, пропадая без следа в черной прорехе на бесплодном склоне Западного Холма.

Впрочем, чем ближе был Лугнасад, праздник Первого Урожая, тем реже шли дожди, чаще выглядывало солнце, проливая на влажную, превратившуюся в жидкую грязь землю благодатный зной. Здесь, в Дол Реарте, крае, граничащем с Алгорскими Холмами, в землях, пронизанных легендами о духах природы, живых стихиях и пугающих порождениях Сумерек, праздник Первого Урожая был едва ли не одним из самых главных. Этот день и грядущая за ним ночь весьма точно предсказывали, каким будет весь следующий год. По полету птиц знающие люди толковали, скорой ли будет осень, по плодам рябины – снежной ли зима. Да и не перечесать их, примет этих, верных и надуманных, связанных с Лугнасадом, вот только почему-то чаще всего они сбывались, да так точно, что даже волшебники из Вортигерна иной раз плевались от досады, когда крестьянские суеверия и прочие летние гадания предсказывали суровую зиму куда точнее звездных карт и магии.

Я лениво перевернулась со спины на бок, сорвала какую-то травинку и задумчиво сунула в рот горьковатый упругий стебелек. Потянулась, убрала со лба кучерявую темную прядку. Зажмурилась, представляя себя змеей, греющейся на камне под солнечными лучами.

Я не просто любила – обожала жаркое лето, которое наполняло меня силой, как наполняет созревающие фрукты сладким соком. Впрочем, как и любая дневная чародейка, чьим Условием колдовства стало солнце. От рассвета и до заката жила колдовская сила в таких, как я. Магия постепенно нарастает в нас с утра и до полудня, и так же плавно убывает к вечеру, полностью пропадая с последним золотым лучом на западе. В Одинокой Башне на северной границе Дол Реарта, куда свозили детей с хоть как-то проявившимися способностями к магии, послушникам рассказывали, что, возможно, магия таится в каждом человеке. Что почти каждый человек способен творить волшебство, в каждом таится зерно этой чудесной силы – но далеко не каждый может определить свои Условия колдовства. Кому-то везет, и их силы, завязанные на такие простые Условия, как время суток, проявляются уже в подростковом возрасте и становятся очевидны, а кто-то носит в себе магию, даже не подозревая об этом, до конца жизни. Или же использует – но так тихо и незаметно даже для себя, что проявление магии может счесть за неожиданно случившееся чудо или же огромную удачу.

Кое-кто в Одинокой Башне считал, что магический дар роднит людей и волшебных существ, таких как алгорские ши-дани или фаэриэ, но мало кто из более опытных воспитателей принимал это мнение всерьез. Ведь первое, чему учат юных, только-только прибывших в Башню послушников – это осознанию, что у каждого из них с рождения есть свой «потолок силы», преодолеть который без особой помощи не удастся. И всю свою жизнь маг стремится

не к увеличению этого «потолка», а к умению экономно расходовать силы, поиску наиболее подходящих заклинаний и изобретению своих собственных «частушек и напевов», которые облегчат концентрацию и позволят тщательнее сплести колдовской узор.

Но люди не были бы людьми, если б не пытались отыскать более легкий и быстрый способ для увеличения могущества.

И совершенно не удивительно, что способ был найден, и даже не один, начиная с амулетов, которые впитывали в себя «лишнюю» силу в моменты, когда Условия колдовства были выполнены, и отдавали ее владельцу в любое время, когда бы ни возникла нужда, и завершая магическими союзами. А уж союзы заключались самые разные – вначале люди искали свою «половинку», того, кто увеличивал их собственную силу или был способен колдовать в моменты бессилия. Потом пошли дальше, и начали искать тех, у кого можно было зачерпнуть сил, эдакие живые амулеты.

Сейчас в Одинокой Башне шептались, что особо мудрые, талантливые, знающие, а то и просто отчаянные начали заключать особые союзы с фэйри, но в таких «связках» не было уже ни доверия, ни теплоты – только расчетливые, холодные отношения хозяина и слуги. Если магу везло или же он был достаточно умен и опытен – получал верного служителя на долгий срок, а то и до конца дней своих, служителя, который делился силой, оберегал в моменты, когда Условия колдовства не действовали, был щитом и мечом для волшебника. Если же человек, рискнувший привязать к себе фэйри, оказывался не столь хорош, как думал, то его ждала не слишком приятная участь игрушки, которая могла быстро наскучить и быть сломанной и выброшенной, или же ненавистного врага, над которым издевались долго, тщательно, с особым извращенным вкусом и фантазией. В последнем случае неудачник жил долго, очень и очень долго, вот только денно и нощно просил о смерти у всех подряд – у бога, духов природы, providения... да кого угодно, лишь бы получить избавление. А оно, к сожалению, приходило нескоро.

Я лениво перекатила в раскрытой ладони янтарный шарик с маленькой трещинкой сбоку, внутри которого навеки застыло крохотное семечко, чувствуя, как окаменевшая красноватая смола нагревается от тепла моего тела и начинает едва ощутимо пульсировать. Будто бы крохотное живое сердечко, которое впитывало мою магию, поддерживаемую жарким солнцем, превращаясь в амулет, который сможет согреть меня холодной зимней ночью, даст возможность сплести полноценное заклинание даже в сумерках и, быть может, это спасет мне жизнь.

Ведь все самые страшные, самые непонятные твари выбираются именно по ночам. Поэтому в каждый солнечный день я старалась выкроить время – и напитать своей силой очередной амулет, превращая каменную, железную или деревянную бусину во вместилище колдовской силы, энергии солнечного дня, которой я могла бы воспользоваться даже глубокой ночью.

Я вздохнула и вновь перевернулась на спину, зажмурившись и чувствуя, как солнечные лучи обливают лицо и шею приятным жаром. Дотронулась до длинного ожерелья из сотни с небольшим бусинок, каждая из которых отзывалась приятным, покалывающим теплом на мое прикосновение. Лишь этой зимой я, наконец, научилась самостоятельно переливать излишки силы в камешки, металл и дерево, превращать невзрачные с виду безделушки в амулеты, и с тех пор вот собираю это ожерелье, нанизываю на крепкую нить колдовскую силу. День за днем, бусина за бусиной...

– Арайя! Где ты?

Я узнала высокий, звонкий голос одной весьма необычной особы, что жила вместе с людьми в Одинокой Башне, и села, крепко зажимая в кулаке янтарный окатыш и вглядываясь вдаль.

По тропинке вдоль кромки луга шла высокая златовласая женщина в ярко-зеленом платье с обтрепанным подолом, тонкая, гибкая, с округлыми бедрами – она двигалась грациозно,

будто бы пританцовывая, волосы блестели на солнце золотой проволокой, свитой на кончиках в крупные кольца, а на узорчатом поясе благозвучно перезванивались друг с другом крохотные бубенчики. Почему она решила остаться в Одинокой Башне, среди людей, никто не знал, а может, и не желал знать – просто, как сказывали преподаватели, один жарким июльским днем в дверь Башни постучалась женщина, назвавшаяся именем Айви, что на старом языке означало «плющ», и попросила пристанища. Ей не отказали, и с тех пор Одинокая Башня благословлена летом и грядущей за ним осенью. В окрестностях стали мягче зимы и благодатнее лета, в лесу появилось больше зверья и птицы, а в единственной небольшой реке Ленивке, у излучины которой и построена обитель человеческих волшебников, невесть откуда возникла и прижилась некрупная, но очень вкусная форель.

И все потому, что Айви была не человеком, а летней ши-дани, существом из далеких волшебных Холмов.

– Я здесь! – пришлось встать и замахать руками, чтобы Айви меня заметила. Может, она и ши-дани, но почему-то на редкость рассеянная и невнимательная, особенно когда пребывает в человеческом облике.

– Право слово, я тебя обыскала, – женщина в зеленом платье подошла ближе, легко рассекая высокие травяные волны, которые бесшумно смыкались за ней, не оставляя тропинки из примятых стебельков. – Опять отлыниваешь от обязанностей, да? Ты обещала помочь с пшеничным полем – пусть дожди прекратились, но зерно созревает слишком медленно, часть колосьев могут и вовсе пустыми оказаться.

– Всего на полчаса, – вздохнула я, отводя взгляд и стараясь выглядеть виноватой, но провести летницу было куда как сложнее, чем наставников Одинокой Башни. По крайней мере, по поджавшимся губам стало понятно, что в этот раз с ши-дани лучше не спорить. Никак.

– Лугнасад скоро, – неожиданно тихо прошелестела Айви, дотрагиваясь кончиками пальцев до моего подбородка, наклоняясь и заглядывая мне в глаза. В ее чуть вытянутых, как у козы, зрачках плескалось легкое беспокойство, пальцы казались непривычно прохладными, будто после долгого купания. – Будь осторожна, дневная ведьма. В такую ночь многое может случиться. Не снимай свои бусы.

– Не сниму, – негромко пообещала я, глядя в странные, ярко-зеленые с желтой каемкой по краю радужки, глаза. Говорят, иногда летница пророчествует, и чем ближе к пику своей силы, тем точнее, но мало кому удавалось получить от нее предсказание, и уж тем более – серьезное предостережение. Вот и гадай теперь, повезло мне или нет. – Айви, ты придешь на праздник?

– Приду, – неприятно-холодные пальцы соскальзывают с моего подбородка и ши-дани выпрямляется, расправляя плечи и оказываясь выше меня едва ли не на голову. Я с трудом удержалась, чтобы не опустить взгляд и не убедиться, что из-под зеленого подола с выцветшей, обтрепанной золотой вышивкой, и в самом деле выглядывают изящные оленьи копытца и ножки, покрытые мягкой золотистой шерстью. Не любит летница, когда замечают это ее «отличие», особенно когда она всеми силами старается его скрыть понадежней.

Я почему-то замечаю слишком часто.

– Идем, Арайя, – негромко произнесла летница, кладя ладонь мне на плечо и мягко уводя с цветущего луга.

Упругие, колкие травы легонько щекочат лодыжки, сминаются под босыми пятками, цепляются за ноги, совсем как живые, прохладные пальцы. Я не удержалась, сорвала мелкую, на диво душистую лекарственную ромашку и сунула пахучий цветочек на тонюсеньком длинном стебелечке в кудрявую гриву. Ох, и мороки мне с волосами – густые, чуть намокнут, так свиваются в такие буйные кудри, что ни один гребень не возьмет. Одно спасение – длина. Чем длиннее отрастают, тем меньше завиваются, можно и в косу собрать, хорошую такую, плотную. В девичье запястье толщиной. Тяжесть, конечно, та еще, зато если распустить, да еще и венки

на голову надеть – на зависть сельским девицам будет. Цвет у них хороший – каштановый с золотинкой, хотя у сестры моей получше был, пшеничный, солнечный, а сами волосы чисто шелковые, так и струились меж зубьями гребешка...

Я споткнулась, заморгала, ощутив гулкую, неприятную пустоту под сердцем.

Нет у меня сестры. Давно уже нет, девятый год скоро, как ее не стало. Не похожи мы с ней были – она стройная, ладная, будто веточка, пальцы тоненькие, волосы золотые, как лучик, улыбка теплая и россыпь веснушек на изящном курносом носике. И я – в ту пору неуклюжая, крепко сбита девчонка с кучеряшками, кое-как собранными в неряшливую косичку, перехваченную кожаным ремешком. Одно у нас на двоих было – глаза, синющие, как морская вода далеко-далеко от берега. А еще общий домик в рыбацком поселке на берегу огромного моря. И матушка – веселая, тоже синеглазая, рано состарившаяся женщина. Отца у нас не было – сестра вроде бы еще помнила его, а я уже не застала. Погиб он в море во время шторма, когда матушка на сносях была, на последнем месяце. И хоть родилась я безотцовщиной, несчастной и обиженной жизнью себя не чувствовала. Да и как тут чувствовать, если Ализа всегда старалась порадовать – то сказку про птичку и волосок на ходу сочинит, то поможет из старой, негодной рубашки и веревочек куклу смастерить, а то возьмет с собой на ночную ловлю крабов. Да и матушка, хоть и пропадала с утра до поздней ночи в маленькой таверне недалеко от рынка, где работала кухаркой, была доброй и ласковой, находя силы и на теплое слово, и на интересную историю каждый воскресный день.

Впрочем, это уже сейчас, оборачиваясь назад и вспоминая детство, я думаю, что это были наиболее безмятежные и счастливые годы моей жизни. Тогда я, конечно, считала иначе. Я успела наслушаться рассказов моряков, которые изредка приплывали на больших красивых лодках под белыми парусами, задерживались у пристани, чтобы пополнить запасы воды и пищи. Успела узнать, что существует другая жизнь, в которой есть место не только изнурительному труду, бескрайнему синему морю, скользкой рыбе и крикам нахальных чаек. Что далеко на севере живут и волшебники, и чудесные создания, и даже чудовища – в волшебников я сразу поверила, а вот в чудовищ как-то не очень. Зачем их было искать далеко на севере, если тут далеко заплывать не надо было, как из-под воды запросто мог появиться острый серый плавник небольшой прибрежной акулы. Сожрать-то целиком, может, и не сожрет, но вот раны острые треугольные зубы наносили действительно страшные.

Тогда я еще пребывала в блаженном неведении о том, какими на самом деле бывают чудовища. Но холодной, ветреной осенней ночью, когда море ревело, как смертельно раненый великан, с грохотом обрушивая волны на высокий скалистый берег, укрывавший нашу деревню от непогоды, я поняла, что самые настоящие чудовища скрываются не в пронзительно-синей толще соленых вод.

Они прячутся в густых тенях, в темноте...

– Ты совсем меня не слушаешь, – летница мягко положила мне на плечо не по-женски твердую, крепкую ладонь, тонкие пальцы легонько сжались. – Что крутится у тебя в голове с начала этой весны? Днем ты заряжаешь силой безделушки, ночью пробираешься в библиотеку и сидишь там куда дольше положенного. Ты копишь свою магию, прячешь ее на груди, как младенца, и очень неохотно ей делишься, даже когда обязана это сделать.

Ши-дани остановилась, развернула меня лицом к себе и наклонилась, так, что ее глаза оказываются напротив моих. Лиственная зелень радужек неожиданно приходит в движение, в глазах летницы будто бы колышется травяное море, лучики солнца поблескивают на гладкой поверхности молодой листвы, тонут в темной еловой хвое и окончательно пропадают в бездонной глубине чуть вытянутых зрачков.

Что ты задумало, человеческое дитя?

Красивые губы Айви не дрогнули, но я все равно услышала этот мысленный вопрос – удивительно чистый, ясный, без привычных «шумов» и «помех», которые сопровождали мыс-

ленную речь наставников из Одинокой Башни. Услышала – и почувствовала, как ши-дани плавно, неторопливо вытягивает из омута моего сознания правдивый ответ. Как сонную, крупную рыбу, которую стоит только разбудить несвоевременной подсечкой, как она задергается, забьется, непременно оборвет леску и уйдет на глубину, пусть даже с крючком, глубоко засевшим во рту.

Это я и делаю, поднимая с глубины души не ответ на заданный вопрос – а черный, липкий, тошнотворный ужас, сковывающий все тело параличом, не дающий не только крикнуть, позвать на помощь, но и даже просто вздохнуть.

Летница невольно отшатывается, красивые губы искривляются в гримасе неприятия и отвращения, в зеленых глазах мелькает растерянность. Она выпрямляется, склоняет голову набок, отчего длинные золотые волосы соскальзывают с плеча и закрывают безвольно повисшую руку густым плащом.

– Тебя коснулись Сумерки, но метки своей не оставили. Повезло тебе, человечка... – Айви глубоко вздохнула, передернула плечами, будто бы стряхивая невидимый груз, и коротко кивнула, слегка улыбаясь, как ни в чем не бывало. – Идем, Арайя. Нас ждет пшеничное поле к востоку от городских стен.

И я пошла за ней, ступая по маленьким следам, оставляемым узкими раздвоенными копытцами ши-дани, ощущая, как меня трясет в ледяном ознобе, несмотря на летнюю жару.

Сумерки...

Запретное место, изнанка тени.

Место, где рождаются чудовища, равных которым нет в мире под солнцем.

В густой тени раскидистого орешника мне почудился чей-то тонкий хохоток. Я невольно втянула голову в плечи, но не оглянулась, а заторопилась за размеренно идущей вдоль лугувины летней девой.

Одно из правил, когда сталкиваешься со своими страхами – не оглядывайся...

Когда-то давно бородатый менестрель, зашедший на поздний огонек в таверну «Две рыбы», где трудилась моя матушка, сказал мне, что дорога начинается с первого шага того, кто решится по ней пойти, а история – там, где начинает ее рассказчик.

Моя история началась не с первых воспоминаний из раннего детства о ярких солнечных бликах, пляшущих по поверхности вечно беспокойного моря, не с дома с маленькими окнами и белесыми от выступившей соли плетеными ковриками, и даже не с маминых теплых, шершавых и грубых от работы рук.

Она родилась темной осенней ночью, когда ветер бился в стены дома, задувал в кое-как заткнутые просмоленными тряпками щели, а море гудело и ревело, осыпая ледяными солеными брызгами высокий скалистый берег. Мне было одиннадцать лет, и на моей памяти вода никогда не поднималась так высоко и не ярилась столь сильно. Еще вчера южный ветер, который рыбаки называли звонким, красивым именем «валь», принес с собой из-за горизонта тяжелые ливневые облака, а уже на следующее утро поднялся шторм, равного которому еще не видали в этих краях даже старики, из последних сил коптившие небо. Холодный дождь быстро превратил деревню в грязевое болото, а после полудня начал перемежаться крупным, жестоким градом размером с горошину.

Мы с сестрой сидели, прижавшись друг к другу, у самой печки, с беспокойством вслушиваясь в грохот градин по крыше. В двух местах крыша уже прохудилась, и частые капли падали в деревянное ведро и большой глиняный кувшин – только успевай воду выплескивать. То, что в такую непогоду матушка не вернется, было ясно, едва первые градины упали на землю – к чему пробираться через скользкую грязь поздним вечером на другой конец деревни, безуспешно пытаясь укрыться от хлещущего града, если можно вернуться утром? Вряд ли шторм

такой силы затянется – валь дует хоть и сильно, но обычно недолго, а затяжные ливни редкость в наших краях. На следующий день напор стихии так или иначе ослабнет, да и что случится с нами, двумя почти взрослыми девками? Дрова для печки у нас припасены и в углу горницы, и в сухих, крохотных сенях, кладовая не пуста, дверь заперта на крепкий деревянный засов. Да и кто будет шататься по улице в такую погоду? Водяной разве что, царь морской – но какое ему дело до людей на берегу, пусть даже шторм и потоки воды с неба позволяют ему ненадолго показаться на суше?

– Спать пора, – наконец-то выдохнула Ализа, поднимаясь с низенькой лавки и приоткрывая заслонку маленькой печки, от которой пахло жаром, сунула в сердцевину огненного клубка еще одно полешко, покрупнее, и ловко закрыла чугунную дверцу тонкой палочкой, умудрившись не обжечь пальцы. Я бы наверняка обожгла. – Ляжем здесь, на маминой кровати, теплее будет.

Меня тогда пугала обрушившаяся на наш домик, да и на весь берег непогода, поэтому я только обрадовалась, что буду ночевать вместе со старшей сестрой. Уж она-то ничего не боится – и заплывать на лодке дальше всех детей, так далеко, что высокий скалистый берег превращается в серую зубчатую полосочку на фоне ярко-синего неба, и нырять с высокой скалы во время прилива. Чего уж говорить о каком-то шторме, который, к тому же, переживаешь не в лодке посреди беснующихся волн, а на берегу под крышей.

Я помню, как нарочито долго Ализа расчесывала свои длинные золотистые волосы простым деревянным гребнем, как она будто невзначай поглядывала в сторону темных сеней и накрепко запертой двери. Сестра в последнее время казалась мне странной, мечтательной. Раньше она охотно проводила со мной время на берегу, помогая искать съедобные ракушки и ставя краболовки, рассказывала сказки, даже пробовала учить письму, как учили ее в свое время в храмовой школе, но вот с месяц уже, как Ализа стала непривычно тихой и задумчивой, предпочитая проводить время в одиночестве. Матушка сказала, что сестра «заневестилась» и наверняка в скором времени следует ждать если не сватов, то хотя бы суженого, по традиции приходящего знакомиться с родителями приглянувшейся девушки. Но время шло, Ализа становилась все более задумчивой и неразговорчивой, а никаких сватов мы так и не видали.

Наконец сестра встала, отложила гребень и задула единственную теплящуюся свечу, погрузив комнату в густые сумерки, в которых мягко, уютно мерцали рыжие отблески пламени со стороны печки. Я слышала ее мягкие, легкие шаги по полу. Скрипнула половица у самой кровати, и я почувствовала, как сестра улеглась рядом, оттеснив меня к стене. Я тронула кончиками пальцев ее волосы – пушистые, пахнущие морской солью – придвинулась ближе и уснула, уткнувшись носом в это душистое облако.

Я не знаю, сколько я тогда проспала, вот только проснулась от того, что не столько услышала, сколько почувствовала несильный удар в днище кровати. Еще толком не понимая, что происходит, протянулась к Ализе, которая должна была лежать рядом – но пальцы нащупали только скомканную, уже остывающую простыню. Кажется, спросонья я позвала ее – мало ли, куда могла отойти сестренка, может, за водой, а может до ведерка в сенях – но в ответ услышала лишь эхо собственного голоса, доносящееся из-под кровати.

Сон с меня слетел мгновенно, я села, прижавшись спиной к холодной неровной стене, ощущая первый приступ липкого, парализующего страха, когда что-то завозилося под кроватью, заскребло по днищу прямо подо мной...

В комнате было темно – тускло светилась лишь узенькая рыжая полоска света над печной дверцей – и в этой тишине и темноте я особенно остро ощутила, что в комнате я не одна, и этим «кем-то» была явно не Ализа. Что-то возило под кроватью, с которой я не смела спуститься, боясь, что неведомое создание ухватит меня за ногу и утащит за собой неведомо куда, изредка тоненько хихикало, то так, то сак повторяя оброненное мной имя сестры, а потом

все неожиданно стихло. Еще минуту я сидела, не шевелясь, но когда неловко подвернутая нога занемела, я попыталась ее выпрямить.

Кровать скрипнула, и сразу же то, что затаилось под ней, тоненько, мерзко усмехнулось, да так неприятно, будто бы провернули несмазанное тележное колесо, насаженное на ось. Я не столько увидела, как почувствовала, что одеяло, которым я укрывалась, кто-то с силой рванул вниз, на пол, а потом мне привиделись два больших светящихся зеленою глаза, показавшиеся над краем кровати. Глаза мои к тому времени уже привыкли к темноте, а света, выбивающегося из-за дверцы печки, было достаточно, чтобы рассмотреть небольшое, с трехлетнего ребенка существо, царапающее простыню маленькими, но острыми коготками. Большая, по сравнению с тщедушным тельцем и тоненькими ручками голова, огромные светящиеся зеленою глаза – и улыбающийся рот до ушей, наполненный мелкими заостренными зубами. Я будто приросла к стене, вжимаясь в нее так сильно, будто хотела пройти сквозь нее, ощущая, как все тело бьет мелкой дрожью, а существо улыбнулось еще шире, хотя казалось – куда дальше-то – и приложило тонкий, длинный палец ко рту тем самым человеческим жестом, которым матери просят непослушное дитя быть потише.

Я успела почувствовать тонкую ледяную иглу, воткнувшуюся в горло, а потом...

Не помню. Не могу вспомнить.

Не хочу вспоминать.

Я очнулась от криков матери, от ее крепких, жилистых рук, трясущих меня за плечи. В дверной проем, который уже не перегораживала дверь, висящая на одной петле, лились лучи холодного осеннего солнца и задувал свежий студеной ветер, остро, резко пахнувший солью. В горнице было многолюдно – казалось, у нас собрались все соседи. Даже священник, мрачный, худой старик в грязно-сером балахоне, подпоясанном колючей веревкой вместо пояса. Я хотела спросить, куда делась Ализа – но не смогла. Та ледяная игла, которую воткнуло мне в горло неведомое, пугающее существо, осталась, и именно она не давала мне произнести ни звука. Воздух свободно проходил в легкие, но едва я пыталась что-то сказать, да хотя бы крикнуть, как сразу чувствовала ее. Тонкую, колючую, прочно засевшую там, где ни одному лекарю не достать...

Так я стала бояться темноты. Вернее, не темноты, а тех, кто может прийти из нее, прийти из самой густой, самой черной тени – и утащить за собой, так же легко, как это случилось с Ализой. Матушка искала ее, спрашивала на кораблях, стоящих в порту, у моряков в таверне, у торговцев на рынке. Но никто из них не видел девушку с пшеничной косой. Да и не мог увидеть – потому что украли ее те создания, про кого мы тогда и не слышали. Лишь спустя два года я впервые узнала, как называют их далеко-далеко от моря на севере страны. Услышала от зашедшего в таверну «Две рыбы» бородатого бродяги, странного человека с дырявой сумой и простым дорожным посохом.

Именно от него, от бродяги, назвавшегося Раферти, я впервые услышала слово «фэйри».

И, благодаря тому же Раферти, смогла его произнести, обретя голос после двух лет молчания.

Кем он был на самом деле, тот загадочный бродяга? Колдуном? Святым? Искусным врачом? Мне сложно судить, я не настолько хорошо знала его – если к этому человеку вообще применимо такое слово, как «знать» – но когда он, спустя семь дней, собрался уходить, я, неожиданно для самой себя, попросилась к нему в попутчики. Он тогда долго смотрела на меня, высокий, хмурый, с частой сеточкой морщин, накрывшей бородатое лицо, а потом переспросил меня, действительно ли я хочу, чтобы он показал мне Дорогу.

Так он и сказал – Дорога, вкладывая в это слово какой-то особый смысл и вес, и имея в виду не простой торговый тракт, на который можно было выйти, удалившись на половину дневного перехода от нашей деревни, а нечто большее. Нечто такое, что очень тяжело осмыслить, но можно почувствовать.

И я ответила «да». Тогда я еще не понимала, к чему приведет это согласие, но почувствовала, что если не соглашусь сейчас, то до конца жизни проживу в этой крохотной деревеньке на берегу моря, каждую ночь обливаясь холодным потом от ужаса, а днем шарахаясь каждой тени. Что меня будут ждать лишь липкий страх, который я постараюсь заглушить ранним браком с первым, кто посватается к нашему двору – только чтобы съехать из материнского дома и спать не одной. А позже буду не смыкать глаз каждую ночь, карауля свое дитя, чтобы и за ним не пришел тот карлик с огромными зелеными глазами и жуткой улыбкой от уха до уха. И ничего не будет в моей жизни, кроме страха и тревоги – ни спокойствия, ни любви, ни радости.

Но я ответила «да» – и странник по имени Раферти набросил мне на плечи свой ветхий лоскутный плащ, который укрыл меня теплом от шеи и до пяток, взял за руку и вместе мы с ним переступили через порог таверны «Две рыбы», чтобы уйти без оглядки. Я ничего не взяла с собой из родного дома – ушла в том, в чем была, в старых Ализиных башмаках и переднике, испачканном мукой. Я не попрощалась с матушкой – да и не нужно ей было это прощание. За те два года, что я провела в вынужденном молчании, матушка моя второй раз вышла замуж, и отчиму не слишком нравилось кормить лишний рот, которых в доме и без того было предостаточно, тем более доставшийся от другого мужчины. Не раз и не два уже шли разговоры о том, что стоит мне только закровить, как положено женщине, как меня отдадут замуж за вдовца-рыбака, что жил на соседней улице. Сосед за работающую, молодую и здоровую жену, у которой из всех недостатков лишь немота, готов был хороший свадебный выкуп дать, а матушка, похоже, внушившая себе, что никакого пропавшего ребенка у нее отродясь не было, только рада была устроить мне «семейное счастье» и не видеть перед собой более напоминания о случившемся.

А Раферти вывел меня на Дорогу – и велел мне выбирать, куда я желаю пойти. Я не стала оглядываться по сторонам – сразу указала на север. Вот куда я желала идти. К далеким холодным берегам и густым лесам, к звонким ручьям и глубоким рекам с быстрым течением. Туда, откуда в наш край на берегу древнего моря пришло слово «фэйри», чтобы узнать о них как можно больше, понять, кто они такие, откуда взялись и зачем они воруют у людей детей и совсем юных еще девушек, таких, как Ализа. И еще – можно ли вернуть тех, кто был украден, обратно, в мир людей.

Немолодой бродяга слушал меня очень внимательно, а потом неожиданно улыбнулся и протянул мне игрушку – маленькую глиняную свистульку в форме птички с плотно закрытым клювиком. Я помню, как взяла ее в руки, стала вертеть, пытаюсь понять, как же она играет, когда заметила, что клюв у птички открылся, и свисток стал самым что ни на есть обычным – с одним отверстием в хвосте, и вторым в горлышке птицы. Когда я спросила, как глиняная птичка смогла открыть клювик, Раферти лишь подмигнул мне и сказал, что свистулька не простая, и играть на ней надо, только когда очень-очень боишься, а помощи ждать неоткуда. И если повезет, то помощь появится, вот только попросить можно будет очень немного...

Глава 2

История Одинокой Башни насчитывала всего восемь поколений волшебников, и я принадлежала к девятому. Восемь поколений, по двадцать лет в каждом, сменилось с того дня, как два десятка человек, обремененных Условиями Колдовства, решили покинуть Вортигернский Орден и начать свою историю с чистого листа. Историю, в которой не было шести веков нещадной муштры юных и способных волшебников, не было насильно повязанных кровью и магией союзов, не было так называемых «проводников», чьи тела служили дверью для сумеречных тварей. Двадцать и еще один человек ушли из теплого и солнечного Вортигерна в холодный, пасмурный Дол Реарт, к самым северным границам тогда еще единого, сплоченного королевства, откуда хорошо были видны заснеженные пики непреодолимой для обычного человека горной цепи, которым еще ши-дани в незапамятные времена дали звонкое, холодное, льдистое имя – Цзиррей, что на язык людей переводилось приблизительно как «колкое серебро». Волшебники-отщепенцы с разрешения властей обосновались в покинутом, никому не нужном гарнизоне на южном берегу реки Ленивки, отремонтировали его, привели в порядок и начали потихоньку обживать.

А еще – внимательно посматривать по сторонам. Ведь многое, очень многое скрывается в крохотных, почти незаметных деталях, на которые и внимания-то не обратишь, не заметишь, а если и заметишь – то не поймешь, на что смотришь, и, скорее всего, позабудешь раньше, чем осознаешь, на что посмотрел. Темные пятнышки на радужке глаз, слишком маленький или слишком большой рот, необычная походка – так можно распознать фэйри под человеческой личиной. А еще волшебники искали детей, обремененных Условиями колдовства, чтобы воспитать их, научить пользоваться природной силой, но, как оказалось, фэйри тоже кого-то искали. Искали тихо, скрытно, прячась от людских глаз под личинами, мороками и «слепыми пятнами». Старались прижиться, обосноваться, закрепиться на новом месте – и иногда это стремление приносило свои плоды. Рождались дети – редко, мало, но рождались. И те из них, кому посчастливилось выжить, нередко добивались невиданных для простолюдинов высот благодаря красоте, огромной силе или же способностями к колдовству с весьма мягкими Условиями.

У одного из старших волшебников, принадлежавшего к седьмому поколению, был заключен союз с фэйри. Наперстянка – так ее звали в Башне, поскольку подлинного имени никто, кроме ее хозяина, не знал – была самой красивой женщиной из всех, кого я встречала. Пожалуй, даже красивее Айви, но если красота летницы была теплой, яркой, так и пышущей солнечным жаром, и жаждой жизни, то Наперстянка была холодна, как мартовский рассвет. Высокая, тонкая, с непривычно резкими чертами лица, она казалась вырезанной из мрамора статуей, которой повелела ожить неведомая сила. Белая, гладкая кожа, огненно-рыжие волосы и ярко-красные губы, и каждый, кто видел ее впервые, невольно замирал от восторга, но только до того момента, как осмеливался заглянуть красавице в глаза – а они у нее были черные, блестящие и мертвые, как отполированный агат. И взгляд Наперстянки, тяжелый и пронизывающий насквозь, отбивал практически у всех охоту не то что познакомиться с красавицей поближе, а и даже словом перемолвиться.

Но так было не всегда. Раньше Наперстянка днем и ночью не снимала личины, и даже я все еще помню ее совсем другой – высокомерной, но по-человечески красивой зеленоглазой дамой, которая ни на шаг не отходила от мастера Дэйра, следуя за ним повсюду, куда бы он ни направился. Меня, девчонку четырнадцати лет от роду, которая только-только переступила порог Одинокой Башни, удивило, что сам мастер Дэйр будто и не замечал эту женщину, хотя,

казалось, не заметить это воплощенное великолепие с рыжими косами, спускающимися до самого пола, было попросту невозможно.

Тем не менее, это было так.

Мастер Дэйр обучал нас таинствам врачевания, учил, как приготовить из ядовитого растения лекарство, как распознавать целебные травы и находить места, где они растут. Мы учились зашивать раны вначале на свежих звериных тушках, которые позже отправлялись в общий котел, затем выхаживали лесное зверье, попавшее в капканы или ловушки, а позже нам позволили помогать старшим врачевателям лечить людей. И все это время, на всех занятиях в Башне, где девятое поколение будущих волшебников записывало свойства растений и простейшие рецепты, пока мы ползали по лесам и полянам в поисках нужного кустика или стебелечка, везде, где появлялся мастер Дэйр – там была и она. Рыжая красавица, неотступно следующая за пожилым мужчиной с длинным кривым шрамом на подбородке...

Я встряхнулась, неохотно подняла отяжелевшую голову, сонно всматриваясь в мягкие вечерние сумерки. Солнце только-только село – с пригорка, на котором я прикорнула, хорошо был виден кусочек блестящей ленты реки, лес, у края которого уже раскладывали праздничные костры, и красную черепичную крышу Одинокой Башни, суровым монолитом возвышающейся над макушками деревьев. Я перевела взгляд выше, на небо – оно уже пестрело ярчайшей вечерней радугой. Алым, малиновым, рыжим сиял запад, но эти краски постепенно бледнели, обращаясь в зелень и бледную пока синеву – и часа не пройдет, как нежный синий оттенок плавно сменится на густо-сиреневый, бархатистый, с редкими проблесками первых звезд. На моей родине, далеко на юге в провинции Дол Марин, ночь наступала совершенно иначе. Солнце долго-долго висело над самым горизонтом, постепенно опускаясь все ниже и меняя ослепительно-золотой цвет на медно-рыжий, а потом, оно краснело и стремительно «тонуло» в соленой воде. И ночь наступала очень быстро – и получаса не проходило с момента, как последний луч солнца скрывался за горизонтом, а вокруг уже царили густые синие сумерки с частой россыпью крупных звезд.

Здесь, на вершине холма, было еще довольно светло, а вот в прогалинах и на берегу Ленивки, где один за другим возникали первые огни, уже стемнело – и я ощутила, как по затылку скользнул холодок беспокойства.

Я боялась темноты. Боялась с той самой ночи, как карлик со светящимися зеленью глазами – позже я узнала, что это был фэйри – украл мою сестру, но почему-то не тронул меня. Только воткнул в горло волшебную иголку, которая обрекла меня на два года немоты, пока странный, чудной человек, назвавшийся Раферти, не вытащил ее, легко и безболезненно, как опытный врачеватель – рыбью косточку. Вот только что почувствовала я эту иглу, холодную, тоненькую – а в следующее мгновение она уже пропадает, и Раферти хитро улыбается, показывая мне на широкой, мозолистой ладони нечто, похожее на гнутый стеклянный волосок, который блеснул в свете очага, да и пропал без следа, осыпавшись мельчайшей пылью...

Сейчас, оглядываясь назад, я не могу с уверенностью сказать, кем на самом деле был этот Раферти, забравший меня из родного дома и приведший в холодный северный край, в Одинокую Башню. Бродягой, менестрелем, а может и волшебником, кто его знает. Но вот почему-то человеческая его природа не вызывала у меня ни малейших сомнений. Ощущалось в нем что-то такое... родное, близкое, понятное. То, чего я не ощущала ни рядом с летней ши-дани, ни уж тем более – с фэйри по прозвищу Наперстянка.

Я вздохнула, поерзала, пересела поудобнее, чувствуя босыми ступнями колкие упругие травинки и прохладную землю, не успевшую прогреться за день. Дневной зной неохотно отступал, оставляя после себя духоту, которую не способен был развеять свежий прохладный ветер, дувший с реки. Сюда, на вершину небольшого холма, долетали лишь его слабенькие, едва ощутимые отголоски – впрочем, если спуститься вниз, на широкую галечную отмель, где скоро начнется праздник Лугнасада, будет куда как приятнее и прохладнее. Когда вокруг было много

людей, тьма меня почему-то не пугала. Ну, или почти не пугала. По крайней мере, страх становился призрачным и зыбким, как тающий дымок, поднимающийся над свечным фитильком, не хватал меня за горло и не загонял в угол. Ну, хоть что-то.

Костров становилось все больше и горели они все ярче. Заиграла первая скрипка, к ней присоединилась чуточку визгливая свирель. Я задумчиво поскребла затылок, пальцы наткнулись на вялый ромашковый стебелек, запутавшийся в кудрях. Извлекла погибший, наполовину облетевший, все еще душистый цветочек, хотела было выбросить, но передумала. Вместо этого я растерла ромашку меж ладоней, вдыхая резковатый, сладкий цветочный аромат, крепкий и медвяный. Свободный рукав рубашки, запятнанный травяным соком, скатился до локтя, обнажая левое запястье и тонкий браслет-плетенку из холодного железа, с которым я не расставалась ни днем, ни ночью, не снимая даже во время купания. Когда-то он был мне велик, хоть почему-то и не скатывался со слишком маленькой, детской еще ручонки, а сейчас был в самый раз – без мыла даже с руки не стянешь, только кожу обдерешь без толку. Хороший оберег от фэйри, достойный, ничуть не хуже соли или огня. Железные кресты, освященные в монастырях, говорят, помогают еще лучше, но от своего браслета я отказываться не собиралась – его мне подарил Раферти при расставании, когда привел меня в Одинокую Башню. Помню, как бродяга даже не зашел внутрь – остановился у порога, порылся в многочисленных карманах, а в итоге выудил железный браслет у меня из-за уха. Улыбнулся и сказал, что это мне на удачу, а еще – чтобы его не забывала. И ушел, напоследок крепко стукнув колотушкой в дубовую дверь Башни.

Именно в тот поздний вечер моя Дорога сделала очередной крутой поворот, едва ли не круче того, что был в момент, когда я переступила порог родного дома, чтобы больше в него не возвращаться.

Около уха противно запищал первый комар, и я торопливо отмахнулась от него, неохотно вставая с насиженного места и потягиваясь до еле слышного хруста в пояснице. И про себя решила – пойду все ж таки на праздник. Сегодня в Башне дежурит восьмое поколение, за самыми младшими приглядывают ребята постарше – в праздник их все равно не заставишь лечь в постели, как обычно, все равно сбегут посмотреть на гулянку у реки – так что можно и прогуляться. Тем более, что и праздник такой, хороший, я бы сказала. Даже фэйри в эту ночь ведут себя на редкость прилично – у них Лугнасад тоже священный день, когда приняты добрые шутки и бескорыстные дары. Дары, правда, зачастую такие, что лучше б их и вовсе не было, но о некоторых до сих пор легенды вдоль дорог гуляют. О скрипке, что играет сама собой и способна заставить плакать даже самого черствого человека и радоваться самого печального. Говорили о ноже, который при ударе всегда находил сердце жертвы, о кольце, позволяющем становиться невидимым – да много о чем болтали менестрели и бродяги в придорожных постоялых дворах. Ремесло у них такое – болтать без умолку, привирая и приукрашивая, а то и вовсе сочиняя на ходу.

Я одернула подол линялого светло-голубого платья, подпоясанного узорчатым плетеным поясом из шерстяных ниток, и направилась вниз, к речной отмели. Ветер окреп, донося до меня не только вечернюю прохладу и звуки музыки, но еще и вкусный запах жареного мяса, от которого у меня невольно потекли слюнки. Я ускорила шаг, чуть ли не бегом спускаясь по едва заметной тропинке, и в кои-то веки ощущала не страх перед надвигающейся темнотой, а странное предвкушение.

Такое, будто сегодня должно непременно случиться что-нибудь хорошее.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, на галечной отмели было почти светло из-за больших костров, над которыми жарили мясо, и факелов на длинных шестах, расставленных вдоль берега. Праздник только-только начинался, а народу было – уже не протолкнуться. Кто-то

торопливо ставил яркий полосатый шатер, кто-то негромко пробовал голос, аккомпанируя себе на лютне, а кто-то просто шлялся без толку, жадно поглядывая в сторону вертелов и бочонков с молодым вином. Тут и там бродили лотошники, во все горло расхваливающие товар, кучно и россыпью сваленный на широкие деревянные подносы с крепким ремнем, надеваемым через шею. В толпе ужами скользили побродяжки в ярких цветных тряпках и дешевых украшениях из фальшивых монет, потому тем, кто был побогаче и одет поприличнее, приходилось крепче держаться за поясные кошельки. У дальних шатров, украшенных гирляндами из тряпичных флажков, уже шла бойкая торговля – ведь народу в Лугнасад на этой речной отмели может оказаться побольше, чем на площадях ближайшего крупного города, вот и едут сюда торговые люди со всего Дол Реарта.

А все потому, что место это, недалеко от которого была построена Одинокая Башня, считалось в Дол Реарте особенным, чуть ли не волшебным. Говорили, что тот самый холм, на котором я коротала вечер – это не иначе как покинутые владения ши-дани, и считалось, что в большие праздники духи времен года возвращаются, чтобы окинуть взглядом заброшенный дом. Легенда гласила, что ши-дани приходят совсем ненадолго, на одну только ночь и остаются до рассвета, поют тихие, нестерпимо прекрасные песни на вершине покинутого холма, а потом могут и к людскому празднику присоединиться. И за веселье, за хмельное вино и вкусное мясо платят не серебром или медью, а меняют на удачу, которая продлиться может весь год.

Врет легенда. Волшебники, когда только-только заселились в Башню, первым делом все в окрестностях проверили – ни следа от чар, только земля, трава и деревья. Не был этот холм жилищем духов времен года, разве что в такие незапамятные времена, что на людские годы и переложить-то сложно. А за столько лет и у ши-дани может все из памяти выветриться, так что если и забредает кто сюда из волшебных существ, то разве что как Айви – случайно и из любопытства.

Хотя... Кто их знает, этих «добрых фей» ...

– А кому пирогов свежих, только из печи?!

Я аж подпрыгнула от неожиданности, когда проходивший мимо лотошник гаркнул мне едва ли не на ухо о своих чудо-пирогах, и налетела на слегка пьяного мужика в добротной кожаной безрукавке и рубаше из беленого льна, уже украсившейся бледно-розовыми пятнами от пролитого вина. Едва увернулась от руки, попытавшейся ухватить меня за талию, и скользнула в разнаряженную толпу, пробираясь поближе к воде, где народу было поменьше. По дороге кто-то успел нацепить мне на голову наскоро сплетенный венок из ромашек, «пастушьей сумки» и папоротника, в косе невесты откуда появился слегка помятый василек, а когда я наконец вышла к воде и смогла вздохнуть полной грудью, у ближайшего костра уже затягивали первую «хмельную» песню.

Праздник понемногу разгорался, как разгорается огромный костер путника из крохотной искорки, уроненной на сухой трут. Музыка играла громко и уверенно, бродячие артисты устроили представление на краю галечной отмели у самой границы небольшого пролеска, а народу стало еще больше.

Визг, хохот!

Мимо меня, по самой кромке воды зеленым вихрем пронеслась златовласая босоногая девица, обдав меня частыми брызгами, и остановилась, зайдя в реку почти по колено. Обтрепанный подол ее зеленой юбки был подвязан путаным узлом и заткнут за пояс так, что становились видны не только загорелые коленки, но и стройные, гладкие бедра. Девушка со смехом перекинула через плечо разлохмаченную длинную косу, кокетливо поправила съехавший на ухо пышный венок из васильков, ромашек и папоротника, перехваченный алой, как кровь, лентой, и неожиданно подмигнула мне. Ее кажущиеся темными в наступающих сумерках глаза на мгновение посветлели, блеснули призрачно-зеленым свечением вытянутые, как у козы, зрачки, и тотчас я узнала эту хохотушку, ловко увернувшуюся от рук слишком настырного поклонника.

Айви!

Летница рассмеялась, звонко, будто гроздь серебряных колокольцев встряхнули, быстрым, уверенным шагом подошла ко мне и наклонилась, с улыбкой целуя меня в щеку.

– Арайя, такой чудесный вечер, а ты тоскуешь! Как же так, драгоценное мое солнышко? Так Добрую Ночь не встречают, и уж тем более – не провожают! – Ши-дани, чуть пошатываясь, будто молодое вино успело ударить ей в голову, ловко подцепила меня под локоток и подняла с гальки, деловито отряхнула подол моего платья от налипших на него мелких камушков и потянула за собой, игнорируя причитания брошенного кавалера. – Идем со мной.

– Куда? – заупрячилась я, на ходу дожевывая приторно-сладкий медовый пряник, купленный на лишнюю медяшку, завалившуюся в простом кожаном кошельке, из которого торчали две можжевеловые веточки и обугленный веревочный хвостик – все, что осталось от последнего колдовского обряда на краю поля. Зато земля там наконец-то просохла, а лишняя влага ушла глубоко-глубоко вниз, туда, где течет подземный ключ, пробивающийся из-под земли в одном из омутов Ленивки. Теперь есть надежда, что пшеничные ростки все же поднимутся и созреют должным образом, и грядущая зима не принесет в Дол Реарт помимо стужи и метелей еще и голод.

– В хоровод же, милая, – летница улыбнулась шире, блеснув белыми зубами в ярком желтом свете смолистого факела. – Всем незамужним девицам через него пройти надо, вдруг судьбу свою изловишь.

– Лишь бы не она меня изловила, – недовольно вздохнула я, но упираться все же не стала, позволяя увлечь себя в хохочущую, приплясывающую от нетерпения стайку девиц, собирающуюся у берега реки.

Хоровод – это танец, который обязательно танцуют во время каждого из четырех главных праздников, и каждому сезону присуща своя простая и одновременно причудливая манера. Весной во время Бельтайна хоровод движется быстрым, извилистым «ручейком», стараясь затянуть в «поток» как можно больше народу прежде, чем «ручей» обогнет всю праздничную поляну или площадь, символизируя талую весеннюю воду, которая уносит просевший, ноздреватый снег и питает землю. Летом, в Лугнасад, хоровод ведется непрерывным кругом, и танцуют его лишь незамужние девушки – это напоминание о жарком солнце, летней поре, с которой начинается сбор первого урожая, а еще время, когда заневестившиеся девушки могут показать себя перед возможным суженым. Осенью, перед Самайном, танец ведут женщины, уже успевшие стать матерями, и мужчины-отцы, и это два потока, которые пересекаются и смешиваются, становясь единым целым. А в разгаре зимы, накануне священного Имболка, когда за окном воет выюга, а кусачий мороз заставляет деревья трещать от холода, хоровод становится не общим, а семейным, родовым танцем, в который встают те, кто связан кровными узами. Именно в Имболк юноши и девушки чаще всего объявляют о своей помолвке – и в случае, если родители относятся к браку благосклонно, девушка встает в хоровод, который танцует семья ее будущего мужа.

– Улыбнись, солнечная моя девочка, – тихо шепнула мне Айви, подводя поближе к будущему хороводу. Окинула меня шальным, чуточку пьяным взглядом, и вдруг ловко поменяла наши веночки местами, звонко расхохотавшись, будто услышала удачную шутку. – Сегодня Добрая Ночь, очень добрая! И в нее я искренне желаю тебе самых сладких поцелуев на свете! Идем же!

Я только и успела, что поправить надвинутый мне на лоб венок летницы, от которого остро пахло медом и еще чем-то пряным, горьковатым, смутно различимым, как заиграла музыка, громкая, задорная, и хоровод двинулся справа налево, по солнцу.

От костра, вокруг которого двинулся хоровод, все ускоряя шаг, веяло жаром, сладковатый запах дыма смешивался с ароматом цветов, перебивая запахи еды и сладостей, доносившиеся с наскоро поставленного на берегу реки обжорного ряда. Я чувствовала, как мою правую

руку сжимает изящная, крепкая ладошка летницы, а левую тянет за собой высокая чернявая девица с растрепанными кудрями и толстенной косой до пояса, перевитой алой, как кровь, лентой.

Первая остановка – хоровод замер, распался и в повисшей на несколько мгновений тишине девицы развернулись лицом к зрителям, высматривая своего суженого-ряженого, а то и просто кого посимпатичнее в ряду неженатых мужчин, вдовцов и совсем молодых юношей, вчерашних мальчишек, прибежавших посмотреть на хоровод. Чернявая девица, во время танца беспокойно крутившая головой и потому дважды едва не упавшая, неожиданно смело шагнула вперед, снимая с головы на диво аккуратный венок из иван-чая и пастушьей сумки, и протягивая его высокому, статному мужчине, чьего лица я даже рассмотреть не успела – вновь заиграла музыка и хоровод сомкнулся, оставив чернявую и еще несколько девиц в толпе зрителей.

Вот оно, летнее девичье гадание. Трижды музыка останавливается, и можно обернуться, посмотреть, кого предложила судьба в качестве суженого. Если понравился – можно предложить свой венок и выйти из хоровода, а уж примут его или нет – дело десятое. В любом случае, для многих деревенских девушек – это редкая возможность познакомиться с тем, кто действительно приглянулся, и может, довести знакомство до желанного брака, а не ждать, пока родители подберут достойного супруга, которого и увидишь-то только в день свадьбы.

Айви крепче сжала мою ладонь, я шагнула влево – и почувствовала, как по телу разливается неожиданное тепло, шальной жар, который бывает, когда по незнанию хлебнешь крепкой ягодной наливки. Меня наконец-то захватила эта игра, это ощущение праздника, девичьего гадания – к кому меня подведет судьба? Перед кем поставит? Кто мне улыбнется, когда музыка стихнет?

Вторая остановка – я ее и не заметила почти, потому что засмотрелась на яркую, лучашуюся изнутри Айви. Летница улыбалась, венок чуть сполз набок по гладким золотистым волосам, наполовину выскользнувший из-за пояса подол платья почти волочился по земле, шнуровка на груди чуть распустилась. Айви притягивала взгляды, как напоенный нектаром цветок притягивает пчел, и на второй остановке во время краткого затишья она шагнула к стройному, неловко держащему в руках флейту парню и смело надела ему на голову свой венок – тот даже не осмелился возразить, только смотрел на летнюю ши-дани шальными от радости глазами. Повезло сегодня парню, ничего сказать не могу.

Кто-то взял меня за освободившуюся руку, хоровод двинулся в последний раз по кругу – и тут неожиданно костер затрещал, а пламя резко пригнулось к малиновым светящимся углям под порывом невесть откуда налетевшего холодного ветра. Музыка сбилась, где-то сфальшивила скрипка, но потом огонь, будто бы собравшись с силами, загорелся ярче прежнего.

Странное чувство, будто бы треснул тот невидимый кокон спокойствия, то внутренний щит, держать который учат волшебники Одинокой Башни каждого из своих учеников. Учат днем и ночью, год за годом, и когда обремененное Условиями дитя вырастет, оно сумеет тщательно контролировать свои эмоции, а вместе с ними и колдовской дар. Ведь владеть им, управлять им – все равно, что танцевать джигу с наполненной до краев чашей в руках. И нельзя уронить ни капельки, нельзя расплескать драгоценную жидкость, ведь она – твоя суть и сущность, твоя магия и твоя душа. Расплещешь, вычерпаешь до дна – и останется от тебя лишь иссушенная, неспособная к колдовству оболочка, а душа взлетит острокрылой алой птицей со дна чаши и унесется в непостижимые дали, в бесконечность, и уж вряд ли вернется.

Вот и получается, что чем старше становятся ученики Одинокой Башни, тем реже яркие эмоции озаряют их лица. Они реже плачут и реже смеются, зато, когда приходит время колдовать, время сплясать джигу с собственной силой, они не отвлекаются на горечь потери, на месть и слезы, они сосредотачиваются на контроле за собой и собственной силой – и лишь потому способны не расплескать отведенную им Условиями чашу волшебства по сторонам, а

собрать ее и нанести один-единственный мощный удар, которого будет достаточно даже каменному великану.

Но сегодня, сейчас, все ускоряющийся хоровод будто бы выдернул меня из искусственно созданной скорлупы спокойствия и отрешенности. Вытащил острокрылую алую птицу моей души на яркий свет, поближе к жарким огненным сполохам большого летнего костра, дал почувствовать его тепло, приятно жалящие искры, чувство единения и принадлежности к этому огромному и одновременно крошечному миру.

Я неслась в общем потоке, почти не чувствуя босыми ступнями нагретой за день теплой земли, слыша лишь отголоски задыхающегося, сбивчивого девичьего смеха. Я почти бежала – и смеялась сама, радуясь легкости и беспечности, затопившей меня изнутри.

Остановка.

Разворот.

Я уткнулась взглядом в грудь человека, стоящего напротив меня – на толстой медной цепочке у него висит круглый резной медальон с гладкой каплей темного янтаря по центру. Подняла взгляд выше – и вздрогнула, рассмотрев на бледном, незагорелом лице светло-серые, неприятно-холодные с темным кольцом по краю радужки, глаза. Тени от костра причудливо ложились на высокие скулы, выделяя и без того резкие черты, твердый подбородок и едва заметную, чуть снисходительную улыбку, сокрытую в уголках губ. Темные волосы были убраны в простой хвост, за плечом незнакомца я заметила какой-то чехол, похожий на кожаный футляр, в котором обычно носят свои инструменты музыканты. Вот только глядя в явно благородное, невозмутимое лицо мне как-то меньше всего верилось, что этот человек – менестрель, те обычно поприветливее бывают, особенно на праздниках. Больше похож на отпрыска какого-нибудь высокого рода, из любопытства заглянувшего на деревенский праздник, чем на бродячего музыканта.

Я тяжело дышала после танца, волосы выбились из косы, тугими кудряшками щекотали мне лицо и шею, шнуровка платья распустилась, а венок съехал на ухо, прикрывая левый глаз широким резным листом папоротника. Я беззастенчиво тарасилась на мужчину перед собой, разглядывала его лицо, одежду, странные, показавшиеся мне дымчатыми глаза, в которых будто клубились гроззовые облака, не обращая внимания на добродушный свист и окрики из толпы.

– Дай венок, девица, – неожиданно произнес «менестрель» глубоким, хорошо поставленным голосом, нетерпеливо протягивая мне ладонь. Узкую, с длинными ухоженными пальцами без единого кольца. – Или не боишься, что совсем одна останешься?

С реки вновь подул непривычно холодный для лета ветер, пламя у меня за спиной пригнулось, на миг погрузив лицо незнакомца в тень так, что мне почудились в его глазах блеклая зелень, а правая рука уже сама собой стянула с моей головы венок, слегка растрепанный, но по-прежнему одуряющее пахнувший цветочным медом, и протянула его стоящему передо мной человеку.

Дымчато-серые глаза чуть сощурились, незнакомец протянул было руку к венку, но в последний момент передумал. Изящные, неожиданно сильные прохладные пальцы тугим браслетом оплели мое запястье, мужчина резко подтянул меня к себе – и наклонился, прижимаясь губами, пахнущими вереском, к моим губам, даря крепкий, торопливый поцелуй.

– Знаешь, а я... передумал, – его дыхание обожгло мое ухо. – Тебе стоит поискать тепла в другом месте.

Его пальцы разжались, освобождая мое запястье, и я отступила под свист и беззлобный смех в толпе, ошеломленная, все еще держа в опущенной руке измятый, растрепанный венок и чувствуя на губах горьковатый, пряный привкус – не вино и не наливка, что-то другое, будто пыльца с поздних, уже осенних цветов. Незнакомый менестрель снисходительно улыбался, а я только и смогла, что кивнуть в ответ, ощущая, как щеки начинают наливаться жаром от

приливающей к ним крови, а из глубины души поднимается обида – глупая, детская, и от того особенно горькая.

Он шутливо поклонился, и я не удержалась – пробежала кончиками пальцев по своему ожерелью, дотрагиваясь до одного из камушков и высвобождая крохотную колдовскую искорку, легким движением мизинца перебрасывая ее на плотную ткань штанов нахала, которая сразу же начала тлеть.

– Непременно! – неприятно хохотнула я, ловко уворачиваясь от неожиданно быстро метнувшейся в мою сторону руки так, что она хватанула только растрепанный венчик, и без того разваливающийся на отдельные стебелечки, и торопливо нырнула в смеющуюся толпу.

Так тебе! Будешь знать, как срывать поцелуи без спросу! Искренне надеюсь, что штаны успели прогореть до дырки на причинном месте, хоть немного наглости поубавится.

Помогая себе локтями, я все-таки выбралась к реке, оставив позади и костер, и наглеца с тлеющими штанами. Нет, похоже, он все-таки менестрель, привыкший к подобным шуточкам, а благородная рожа – всего лишь подарочек от высокородного отца, не признавшего бастарда. Я глубоко вздохнула, оглядываясь по сторонам и невольно проводя по губам ладонью, будто бы это могло стереть с них горьковатый цветочный привкус, когда услышала до боли знакомый раскатистый голос.

– Малая, да и ты здесь! – Я обернулась, и сразу же узнала в немолодом бородатом человеке, опирающемся на длинный, потемневший от времени деревянный посох, того бродягу, который когда-то увел меня из маленькой рыбацкой деревни на берегу моря. Того, кто так круто изменил мою жизнь, кто принес перемены и научил справляться со своими страхами.

Дядька Раферти!

Я кинулась к нему, разом позабыв и о наглеце с футляром за спиной, и о горьком поцелуе, крепко обнимая и прижимаясь щекой к кое-как залатанному плащу, от которого всегда тянуло не запахом пота или грязи, а почему-то морской солью, прелой листвой и еще какой-то легкой затхлостью, древностью. Будто бы этот странный, говорящий загадками бродяга ходил не обычными дорогами, а теми, колдовскими, о которых нам рассказывали наставники из Одинокой Башни.

– Смотрю, рада ты старому бродяге, – довольно усмехнулся Раферти, оглаживая меня по растрепанным кудряшкам, будто ребенка. – Да и выросла так, уже настоящая невеста.

– Невеста, как же, – я отодвинулась, прижимая прохладные ладони к пламенеющим щекам, чтобы хоть немного остудить их. – Еще поди, отыщи такого, кому девка из колдовской башни приглянется.

– Отыщешь, куда денешься, – смеющиеся карие глаза чуть сощурились, бродяга выпрямился во весь свой немалый рост, расправил плечи. – Вон как щеки-то горят, будто поцелуй без спросу украли.

Я ойкнула, а Раферти лишь беззлобно расхохотался, а потом приобнял меня за плечи, оглядываясь вокруг.

– Ну что, малая, найдем местечко потише, расскажешь, как тебе у волшебников-то живется? А то давненько я в ваши места не захаживал. Слухами, конечно, земля полнится, но хотелось бы узнать последние новости из твоих уст. А чтобы посиделки у нас совсем тоскливыми не вышли, – тут старый бродяга хитро улыбнулся, похлопывая широкой мозолистой ладонью по непривычно раздутой суме на боку, – у меня припасена и наливка добрая, и закуска приличная. Одна вдовушка в городе на дорожку угостила, когда я поутру от нее уходил.

– Видать, довольной осталась, – вздохнула я, оценивая взглядом дорожную сумку – шов у нее в одном месте разошелся, и в неверном свете костров был заметен пузатый бутылочный бок, оплетенный лозой. – И как только твоя сумка до сих пор не развалилась? Того и гляди, она по швам треснет и все угощение на землю посыплется.

– Чудеса, не иначе, – серьезно кивнул Раферти, с невероятной легкостью вклиниваясь в праздничную толпу и пробираясь поближе к полосатым шатрам, стоящим у кромки леса, где народу и в самом деле было поменьше. Я же старалась по возможности не отстать, по детской еще привычке держась обеими руками за полу ветхого дорожного плаща.

И как раньше, в детстве, мне чудилось, будто бы передо мной идет не пожилой бородач в побитых жизнью и путешествиями обносках, а нечто древнее, могущественное, идущее вперед по Дороге, проложенной сквозь само время...

Наливка, что принес с собой дядька Раферти, оказалась на диво хороша. Сладкая, настоящая на вишне и черноплодной рябине, в сгустившихся сумерках она казалась густой венозной кровью, только-только выпущенной из открытой раны. Я и опомниться не успела, как в голове начало слегка шуметь, и хоть выпитая наливка не помешала бойкости и гибкости моего языка, встать и пройтись по узкой досочке я бы уже не сумела.

Мы сидели на отшибе на коротеньком бревнышке, с которого Раферти пришлось сгонять какую-то слишком уж увлекшуюся друг другом влюбленную парочку, распивали остатки наливки, пользуясь прихваченными с ближайшего прилавка глиняными чашками с выщербленным краем, закусывали холодным свиным боком с пряностями и наблюдали за тем, как понемногу затухает праздник Лугнасада. Те, кто помоложе, с наступлением ночи вряд ли разбредутся по домам – напротив, будут поддерживать костры на берегу реки, кто посмелее – наверняка полезет купаться голышом, не здесь, конечно, а выше по течению, но народный праздник уже заканчивался. Стихли инструменты музыкантов, вместо песен подвыпивший народ горланил непристойные частушки, эхо от которых далеко разносилось над водой, а шатры и торговые ряды уже давно были свернуты, и значительно полегчавшие телеги с добром ставили полукругом прямо на берегу у оставшихся гореть костров.

С дядькой Раферти мне всегда было очень легко, и этот раз не стал исключением – бородач успел выслушать от меня все здешние новости и сплетни, рассказав в ответ ворох забавных историй, принесенных из дальних земель. А сейчас мы с ним просто молчали, глядя в ночь на золотые лепестки костров, горящих вдоль кромки воды. Раферти курил старую, почерневшую от времени и табачной копоти трубку, то и дело пуская аккуратные колечки дыма, едва заметные в сумерках, а я держала обеими руками чашку с остатками наливки, плещущимися на донышке.

– Малая, тебя что-то беспокоит? – неожиданно поинтересовался бородач, выпуская очередное колечко дыма. – Ты как будто ходишь кругами, хочешь чего-то спросить, а никак не решаешься. И ведь это явно вопрос не о делах сердечных, с ним бы ты к любой подружке подобраться сумела.

– Дядька Раферти, – задумчиво произнесла я, глядя вдаль, в сторону реки, над которой уже поднималась тонкая белесая дымка. – Расскажи мне про фэйри? Где их искать, как распознать в людской толпе? Я хочу знать, как наставники Одинокой Башни так легко и быстро понимают, что перед ними не человек, а волшебное существо – ведь внешне эти создания неотличимы от людей.

Я выпалила это на одном дыхании, тараторя, почти как на первом экзамене по изготовлению снадобий, когда от волнения я не знала, куда деть руки и дважды едва не превратила лекарство в малопригодное варево, а то и вовсе в яд. Я напряженно ждала ответа – но старый бродяга молчал, глядя на меня пристально, оценивающе. Наконец, он глубоко вздохнул, выпуская в вечернее небо клуб душистого дыма, придавил пальцем последние тлеющие остатки табака и принялся выколачивать трубку прямо о бревно.

– Вовремя я пришел, Арайя, – негромко произнес он, пряча трубку за голенище сапога. – Очень вовремя. Расскажи мне, без пяти минут волшебница Одинокой Башни, зачем тебе знать так много о фэйри? Разве наставники не рассказывают вам о «молодом народе»?

– Рассказывают, еще как, – я фыркнула, неловко взмахнула рукой, едва не выплеснув остатки наливки на землю. – Вот только толку с их рассказов, с их книжек, если ответы приходится искать в той части библиотеки, куда не пускают не только учеников, но и младших учителей. Нас учат читать следы, подмечать мелочи, распознавать неочевидное в очевидном, но никогда не расскажут, как заключать союзы с волшебными существами!

– Вот оно что, – неожиданно серьезно произнес Раферти, глядя на меня сверху вниз, и на миг мне почудилось, будто бы надо мной нависла скала, огромная, невероятно тяжелая, холодная и безжалостная. – Ты, такая юная волшебница, совсем еще девчонка, которая, судя по всему, не умеет еще ни пить, ни целоваться с женщиной – а уже хочешь себе раба из «молодого народа»?

– Почему раба? – совершенно искренне удивилась я, невольно отодвигаясь подальше от бродяги на самый краешек бревна, почти забыв о глиняном стакане, который будто бы потяжелел и теперь нещадно тянул мои руки к земле. – Мне нужен защитник на то время, пока солнце скрывается за горизонтом и волшебная сила по Условиям оставляет меня.

– А чем тебе не угодил человек? Не так уж их и мало, людей, у которых Условием колдовства является ночной мрак или свет луны, – колко, холодно усмехнулся Раферти, игнорируя мой вопрос, и от этого смешка мне стало неуютно, жутковато. Как будто на расстоянии вытянутой руки от меня сидел не хорошо знакомый бродяга, который в свое время привел меня к новой жизни, где почти позабылся душащий ночной кошмар, а нечто чуждое, суровое, древнее. То, что имеет право судить – и судит.

– Люди... я не думаю, что найдется такой, кто захочет оберегать меня от жителей изнанки тени, от «молодого народа», от тех, чье место во тьме, – я все же выронила стакан, расплескивая остатки наливки по босым ступням, но даже не наклонилась, чтобы подобрать его. Ночь неожиданно перестала быть теплой, приятной и безопасной, и это ощущение мне очень не понравилось. Будто бы сгустились непроглядные тени, сомкнулась мгла – и нечто принялось с интересом наблюдать за нами тысячами невидимых глаз. Жуткое ощущение, от которого перехватывает дыхание, а сердце от страха начинает колотиться где-то в горле. – А фэйри – он, я уверена, сможет. Ведь он знает повадки своих сородичей, его сила велика, он не связан Условиями колдовства, потому может чаровать так же легко, как дышит, и он...

– Предаст тебя при первом же удобном случае, так что ни о какой надежной защите и речи быть не может, – тяжело вздохнул Раферти, и неожиданно пододвинулся, обнял меня рукой за плечи и по-отечески прижал к крепкому боку. Сразу же пропало гнетущее, тяжелое чувство, сумерки более не дышали холодом и древностью – они стали обычной, теплой летней ночью, наполненной пением сверчков, шумом ветра в листве и далеким людским гомоном. – Хорошо, что ты мне сказала прежде, чем пойти на столь глупый и необдуманный шаг, это означает, что пришел я действительно вовремя.

– Не глупый! – торопливо возразила я, и хоть прозвучало это совсем по-детски, отступать не собиралась. – Один из наших старших наставников заключил подобный союз с фэйри, и союзу этому уже много лет! Наперстянка с ним дни и ночи проводит, и ни разу...

– Ей просто еще не представилась возможность. Пока – не представилась.

– Но...

– Арайя, – Раферти слегка отодвинулся, поднялся с бревна и протянул мне руку. – Пойдем, прогуляемся. Заодно расскажу тебе об одной легенде, которую мало кто слышал из ныне живущих – возможно, она кое чем окажется тебе полезной.

Я с готовностью ухватила за протянутую ладонь и поднялась, ощущая легкое головокружение от выпитой наливки. И хоть голова почему-то оставалась совершенно ясной, шла я, покачиваясь, несмотря на то, что придерживалась за отставленный локоть старого бродяги.

– Скажи мне, – наконец начал он, когда мы спустились к дороге, ведущей вдоль берега реки к новому, пару лет как построенному мосту. – Как ты собиралась поймать и привязать к себе фэйри? Ведь избежать этого нельзя – вряд ли кто-нибудь из «молодого народа» придет к тебе служить просто так, по доброте душевной. Они, конечно, существа непредсказуемые, но на такую благотворительность ни у одного из них ума не хватит. Дури, впрочем, тоже.

– Уже скоро, – я запнулась, потому что умудрилась споткнуться о камешек и едва не рухнула на изъезженную сотнями телег дорогу лицом вперед – счастье, что Раферти успел ухватить меня за пояс платья, встряхнуть и поставить на ноги. К горлу подкатила тошнота, но шум в голове, как ни странно, слегка поутих. Я сглотнула ставшую противно-горькой слюну, шумно вздохнула и продолжила. – Скоро я смогу накопить достаточно сил в амулетах, много больше, чем имела бы про запас даже в самый благоприятный для солнечной колдуньи день, и тогда я пойду искать того, с кем смогу заключить союз. Фэйри сейчас отыскать не так трудно, их много чем можно приманить. Мне хватит сил, а если не хватит – воспользуюсь резервом, – я провела кончиками пальцев по теплым, приятно согревающим кожу бусам у себя на шее. – Мне надо торопиться, ведь лето уже на исходе, день идет на убыль. Еще месяц – и придет осень, а за ней и зима, время, когда я слабее всего, когда дни сумрачные и очень-очень короткие. Я хотела изловить фэйри до того, как закончится лето...

– И тогда ты совершишь самую большую глупость, на которую только окажешься способна, – с какой-то неожиданной веселостью произнес Раферти, крепко сжимая пальцы на моем плече. – Видишь ли, малая, таким способом, каким ты описала, привязать к себе можно только раба, слабого, плохо одаренного фэйри, который будет подчиняться каждому твоему слову, будет следовать за тобой по пятам – но ровно до того момента, пока ты не оступишься или не утратишь бдительность. Это все равно, что взять охранять дом ленивую, беспородную, полуголодную шавку, которая пропустит грабителя за кусок мяса. Нет, девочка моя, так ты себе защитника не получишь, только слугу, который будет тихо и незаметно копить в себе ненависть, которая рано или поздно выплеснется наружу и, скорее всего, уничтожит тебя.

– Разве слабый фэйри – обязательно подлый? – изумилась я, подходя к деревянному мосту и ступая на чуть скрипящие под ногами доски. От воды поднимался легкий туман, тянуло холодом, острым запахом осоки и кувшинок. Я остановилась на середине моста, опираясь о гладко оструганный, выглаженный непогодой и человеческими руками поручень, и посмотрела вдаль, туда, где над макушками деревьев, чернеющими на фоне темно-синего звездного неба, виднелась острая маковка Одинокой Башни.

– Не совсем, – Раферти тяжело оперся о поручень рядом со мной, и дерево протестующее скрипнуло. – Видишь ли, малая, у волшебных существ все устроено иначе. Не так, как у людей. Человек может быть мал ростом, слаб телом или немощен в старости, но душа его может быть огромна в своей величественности и милосердии, а воля крепче железа и тверже камня. В тщедушном тельце ребенка будет сокрыта столь яростная и нестигаемая тяга к жизни, что он выживет там, где погибнут десятки, а то и сотни его соплеменников. Речи немощного старца способны воспламенить дух целого народа и отправить его на войну или же на возрождение погибающей страны из руин и пепла. Мать вынесет свое дитя из горящего дома, не чувствуя боли, гонец со стрелой в боку доскачет до гарнизона, чтобы передать важную весть и умрет, лишь только когда долг его будет исполнен.

Старый бродяга неожиданно мечтательно улыбнулся, резкий порыв ветра взметнул буйные седеющие кудри, приподнял полы тяжелого потрепанного плаща. На мое плечо осторожно легла широкая теплая ладонь, и на меня будто бы снизошло спокойствие и чувство безопасно-

сти. Здесь, посреди летней ночи, на мосту через реку Ленивку, по берегам которой еще сияли редкие лепестки костров, я ощутила себя так беззаботно, как когда-то давно, в детстве.

Пока еще были со мной море, солнце, небольшая рыбацкая деревня. Матушка с ее сухими, мозолистыми руками, и сестра Ализа, яркая, ласковая – будто весеннее солнышко...

– А у волшебных созданий – что у ши-дани, что у фэйри, что у фаэриэ, все совсем наоборот, – продолжил Раферти, расправляя плечи. – Им мироздание колдовских сил дает по мере твердости и благородства их характера. Чем тверже воля волшебного существа, чем яснее его разум и благороднее сердце, тем больше силы ему дается в руки, тем большей властью он обладает. А тому, кто слаб духом, кто труслив, мелочен и жалок в глубине души, тому и сил дается так мало, будто бы займы. Потому сильный ши-дани или фэйри никогда не опустится до предательства, до подлого удара в спину. Он либо с гордостью назовет тебя своей госпожой и будет оберегать тебя до последнего вздоха, либо убьет в открытом бою, стоя перед тобой лицом к лицу. Так, чтобы ты совершенно точно знала, кто забирает твою жизнь, чтобы он был последним, кого ты увидишь перед тем, как уйти за грань в вечность. Но чтобы он признал тебя достойной своего служения, придется заплатить высокую цену. Ты уверена, что хочешь ее знать?

Я кивнула, зачарованная его голосом, его словами, и тогда старый бродяга поведал мне еще одну легенду. Он говорил долго – я успела замерзнуть, хоть ночь была теплой, и меня слегка колотило от того, что мне предстояло сделать. Не сейчас – поздней осенью, когда от летнего тепла не останется и следа, а зима будет дышать в лицо первыми порывами ледяного северного ветра.

В ту единственную ночь в году, когда не только простой люд, но и опытные волшебники покрепче запирают ставни, окованные холодным железом, и без острой необходимости даже не выглядывают за порог.

В канун Самайна, когда миром правит холодный седой король в острой железной короне...

Глава 3

За высоким, забранным кованой решеткой окном библиотеки медленно и неотвратно умирал очередной день, приближая осень, а вместе с ней и Самайн. Остаток лета пролетел удивительно быстро – казалось, что только-только отгуляли на празднике Лугнасада, а уже ночи стали холодными, зябкими. Над рекой каждый вечер поднимался густой туман, заставляющий обитателей Одинокой Башни кутаться в шерстяные накидки и топить пожарче оба камина, что согревали нашу маленькую крепость. На днях, помогая Айви со сбором яблок в саду, я заметила первые желтые листья на макушках яблонь, а спустя всего неделю, разноцветные пятна появились и в кронах берез, растущих на берегах Ленивки.

В Дол Реарт во всем своем ослепительном блеске ярких красок стремительно ворвалась осень, и люди торопливо начали собирать урожай, то и дело поглядывая в высокое синее небо. Здесь, на севере, «бабье лето» совсем недолгое, а осень, хоть и богата плодами, ягодами и грибами, очень быстро уступает корону снежной, нередко затяжной зиме. Вот и стремился народ как можно скорее заполнить амбары зерном, подполы – домашними соленьями, заготовить корм для домашнего скота. Взрослые убирали поля и сады, дети, сбившись в стайки, бродили по близлежащим лесам с корзинами, а как похолодает, настанет черед охотников.

Суровы зимы в Дол Реарте, а эту гадание на Лугнасад предсказало еще и особенно холодной и снежной, вот и работают люди, прекрасно зная, что если запрет их лютая стужа и метель в домах, помощи ждать будет неоткуда, и рассчитывать можно будет лишь на себя.

Одинокая Башня тоже готовилась к зиме – младшие ученики в сопровождении одного из учителей вместо занятий каждое утро направлялись на «тихую охоту» за грибами и ягодами, и к ним нередко присоединялся мастер Даэр с Наперстянкой, возвращаясь ближе к вечеру с наполненным доверху плетеным кором с травами и кореньями. Все полки и шкафы в аптеке были заставлены склянками, баночками и коробочками с настоями, мазями и лечебными порошками, а трое старших волшебников на время перебрались в город, и благодаря их усилиям продуктовый подвал пополнялся запасами вдвое быстрее, чем в прошлом году.

Я же сегодня почти весь день провела с шумной ребятней, каким-то чудом умудрившись никого из них не потерять в лесу. А когда мы вернулись с корзинами, доверху наполненными грибами и мелкой кислой ягодой, едва успела сбежать в единственное оставшееся тихим место во всей башне – в библиотеку.

В большом зале, заставленном лабиринтом из книжных стеллажей и полок для свитков, было тихо, пахло бумажной пылью, воском и чернилами. Под потолком, из углов которого дважды в год тщательно убирали всю паутину, были развешаны несколько десятков волшебных светильников, дающий резковатый, холодный, неестественно-белый свет, благодаря которому можно было читать даже глубокой ночью, разбирая старинный манускрипт без особого труда. Одна беда – глаза при таком непривычно резком освещении уставали гораздо быстрее, чем обычно, а пересушенный воздух и вечная пыль превращала любого ученика, засидевшегося в библиотеке допоздна, в жутковатое красноглазое умертвие. Но что поделать – обычные лампы и свечи в стенах библиотечного зала были строго запрещены, и, в общем-то, справедливо. Одной искры будет достаточно, чтобы все помещение, забитое старыми книгами, стремительно выгорело дотла, нанеся непоправимый урон волшебникам Одинокой Башни.

Я чихнула, уткнувшись лицом в сгиб локтя, и сморгнула выступившие слезы. От сухости уже давно першило в горле, но нельзя было даже приоткрыть окно – сегодня весь день дует сильный северный ветер, жутковато завывая в трубах, и если я не хочу, чтобы разложенные на широком столе листки и свитки разлетелись по всей библиотеке, придется потерпеть. Для того, чтобы отыскать легенду, начало которой рассказал мне дядька Раферти в праздник Лугнасада,

пришлось перерыть четыре стеллажа со старыми, редко когда доставаемыми с полок книгами, часть из которых была привезена в Одинокую Башню еще из славного города Вортигерна, и, наконец, удача мне улыбнулась.

Передо мной лежала тонкая потрепанная книжица в потертой кожаной обложке с причудливым замочком-вензелем – не столько собрание сочинений, сколько походный дневник или, что более вероятно, записки какого-то менестреля, в которую тот заносил услышанные в странствиях байки. И в ней, крупным, размашистым и на диво разборчивым почерком со старомодными завитушками была изложена история одного человека, обремененного одним необычным Условием – он обретал колдовскую силу лишь в присутствии волшебного создания, и чем сильнее было это существо, тем легче давалась магия в руки этому человеку.

Имя ему было Маер Лин. В огромной, тяжелой книге, окованной железными уголками, где рассказывалось об истории волшебства в людских землях, Маер Лин почитался величайшим из обремененных Условиями людей. По легенде, он повелевал водой и огнем, мановением руки умирал суровые зимние бури, а шаги его заставляли землю содрогаться. Именно Маер Лин основал Вортигерн, который в те давние времена носил совершенно другое название, отыскал и посадил на его трон родоначальника новой династии королей, что правили не одну сотню лет. Он обучал первых волшебников Вортигерна, учил их ходить тайными, запovedными дорогами, летать с птицами и дышать под водой. В той книге было сказано, что мир в те далекие времена был молод и настолько наполнен волшебными созданиями, что они жили буквально повсюду, не скрываясь, как сейчас, в Холмах. Потому и колдовать Маер Лину было так же легко и естественно, как дышать, это и позволило ему достичь тех высот, которых он в итоге достиг.

Но в ночь Лугнасада дядька Раферти рассказал мне совсем другую историю Маер Лина, и она заставила меня призадуматься – так ли уж хочу я привязать к себе фэйри в качестве защитника. Так ли хочу притянуть к своей душе искрящийся холодным пламенем неведомый огонек, который будет рваться на свободу столь яростно и неудержимо, что рано или поздно сожжет нас обоих? Так ли велик мой страх перед тем, что прячется на изнанке тени, чтобы искать колдовского слугу с железным сердцем и ледяной ненавистью к непрошеной хозяйке?

По словам старого бродяги выходило, что когда-то давно, когда мир был еще молод, и волшебные существа, такие как ши-дани и фаэриэ, духи деревьев и лесов, а так же все те, кто жил в сумраке ночи и густых полночных тенях, еще не прятались от людских глаз, а о фэйри никто никогда не слышал, в маленькой северной деревне родился необычный мальчик. Он мог слышать перешептывания ши-дани среди деревьев, понимал язык птиц и зверей и поэтому все дальше и дальше отдалялся от простых людей, которые считали его скорее сумасшедшим выдумщиком, нежели юным волшебником. Мальчик стал юношей и навсегда покинул родной дом, взяв себе имя Маер Лин, которое впоследствии запомнили на многие годы вперед. Но что-то случилось с миром – возможно, волшебные создания почуяли что-то и затаились, возможно, у них случилась война или же они просто устали от человеческого присутствия рядом. Так или иначе, ши-дани один за другим, целыми Дворами уходили в Холмы, куда людям не было ходу большую часть года, а фаэриэ разбрелись по свету, прижившись в далеких и труднодоступных местах.

Магия Маер Лина стала угасать и блекнуть, все чаще и чаще Условие его оставалось не выполненным, и колдовская сила, которой он столь гордился, слабела с каждым днем. Времена были суровые – тогдашний Вортигерн еще только-только был основан, его еще не защищали ни высокая, неприступная крепостная стена, ни множество заклятий, а враги молодого королевства были уже на подходе, стягивая силы с непокорного юга. Король Вортигерна собирал войска для защиты города, но именно тогда Маер Лин пропал.

Его не было десять дней. За это время город оказался в осаде и последние силы уже покидали защитников, когда небо расколола яркая вспышка молнии, и на поле битвы появился

Маер Лин во всем своем блеске. Его магия была сильна, как никогда, суровый взгляд разил врагов десятками, земля стонала и раскалывалась глубокими трещинами прямо под ногами у дрогнувшей и начавшей отступление армии противника, а когда все было кончено и городу более ничего не угрожало, Маер Лин вошел в ворота, как герой.

Но вернулся он не один.

С того дня, куда бы он ни направился, за ним тенью следовала невысокая хрупкая девушка в простом сером платье и с пышной гривой пепельных волос, прижатых серебряным венчиком на лбу. Ее голос шелестел, подобно каплям дождя, глаза казались прозрачнее воды в ручье и синее осеннего неба, а губы тонкие, бескровные, всегда были высокомерно поджаты и крайне редко изгибались в улыбке. Сложно было сказать, прекрасна ли дева, которую привел с собой Маер Лин, или же некрасива – столь чужд был ее облик, так не похожа она была на городских женщин.

На этом моменте и начинались расхождения между книжной историей и тем, что мне рассказал Раферти. В книгах говорилось, что спутница и ученица Маер Лина, что отзывалась на имя Ниниан, пробыла в Вортигерне очень долго, пока наконец великий волшебник не почувствовал усталость от мирской жизни и удалился в некое место, зачарованное таким образом, что ни один человек не был в состоянии его отыскать. Ниниан ушла вместе с Маер Лином, и более их никто никогда не видел.

Но в ночь Лугнасада я услышала совсем иную легенду. О том, что Маер Лин, осознав, что сила его убывает, отправился в поисках волшебного создания, которое он сумеет привязать к себе на веки вечные, тем самым обеспечив себе выполнение единственного наложенного на него Условия колдовства. Он искал ши-дани, и нашел ее – сентябрьскую деву озерной воды и прохладного дождя, белых туманов и седых облаков. Он хитростью выманил фею из ее дома на дне небольшого лесного озера, с помощью колдовства связал ее волю и приковал ее дух к своей душе невидимой цепью, которую ши-дани оказалась не в силах разорвать. Нельзя сказать, что озерная фея не пыталась или же что смирилась с участью рабыни, нет. Ниниан пыталась освободиться, поначалу яростно и непримиримо, но вскоре поняла, что не способна сломать свои оковы. Пока – не способна. Человек по имени Маер Лин был силен и хитер, но время – о, время любого рано или поздно согнет к земле и ослабит, и все, что оставалось делать Ниниан – это изображать покорность и просто ждать подходящего момента. И он ей представился – спустя годы, когда Маер Лин постарел, а сознание его утратило остроту и бдительность.

Ниниан усыпила своего хозяина, так и не ставшего ей господином, с помощью особой смеси, подмешанной в горячее вино, а когда тот заснул – вырезала из его груди еще бьющееся сердце и сожгла его в камине. И в тот момент, когда пламя коснулось сердца Маер Лина, связывающие Ниниан чары разрушились, и она оказалась свободна. Озерная дева немедленно покинула Вортигерн и скрылась в одном из Холмов, а те, кто обнаружил великого волшебника поутру убитым в своей постели, предпочли молчать об этом до конца жизни. Тело Маер Лина сожгли тайно, глубокой ночью, пепел захоронили под одной из стен Вортигерна, а глашатаи короля объявили о том, что волшебник устал от людской суеты и удалился на заслуженный покой подальше от чужих глаз. Так он стал величайшей из легенд, а предательство Ниниан так и осталось тайной на долгие годы.

Когда же я спросила Раферти, откуда он знает, что все было именно так, а не иначе, бородач лишь усмехнулся и сказал, что ему удалось повидать ту самую озерную ши-дани, что когда-то предала и убила великого волшебника, и расспросить ее. Та, которую звали Ниниан, до сих пор живет в озере Керрех недалеко от Алгорских Холмов и, как прежде, весьма обижена на людской род. Добра от нее людям ждать не приходится, но и беспричинного зла – тоже. Впрочем, Раферти до сих пор удавалось кого угодно заболтать до полусмерти, поэтому он сумел не только уйти живым и невредимым с берега священного озера, но и пообщаться по душам с ши-дани начала осени. А заодно узнать еще кое-что – оказывается, одному смертному

удалось все же растопить холодное сердце озерной девы, и она, сама того не желая, открыла ему тайну, как можно заключить союз с волшебным существом так, чтобы не оказаться впоследствии преданным самым подлым образом в наиболее неподходящий момент. Этот секрет, попавший в руки менестрелю, превратился вначале в балладу, потом в сказку, а вскоре о нем и вовсе могли рассказать едва ли не на любом постоялом дворе. И именно потому, что об этом способе в одно время знали все, кому не лень, и старательно приукрашивали в меру своих талантов, им никто и никогда так и не воспользовался. Самое ценное сокровище, как известно, лучше прятать на виду, чтобы никому и в голову не пришло его прикарманить.

А когда двадцать и один волшебник покидали Вортигерн в поисках нового места для жизни, они случайно прихватили с собой дневник того самого менестреля, где он переложил на строчки баллады секрет, узнанный у Ниниан, ничего не добавляя от себя, кроме, разве что, витиеватого благозвучия. Раферти, которому когда-то давно довелось держать этот дневник в руках, хорошо описал эту небольшую книжицу, а особенно вензель на замочке, и благодаря этому описанию я, как ни странно, нашла эти записки в почти развалившемся переплете, пусть ради этого мне пришлось порядком извозиться в библиотечной пыли.

Я вздохнула, осторожно разгладила кончиками пальцев истрепанные, ломкие страницы, и углубилась в чтение. Кое-где аккуратные строчки оказались размыты, местами заляпаны темными чернильными кляксами, бумага пожелтела от времени, и переворачивать тонкие, шелестящие от малейшего движения, листочки с загнутыми уголками приходилось очень и очень осторожно...

...Три круга позволяют скрыть присутствие заклинателя от глаз волшебных созданий, три круга – из огня, соли и холодного железа. Они позволяют выбрать время и место, незваные гости с сумеречной изнанки тени не осмелятся переступить ни через один из них, а у заклинателя будет шанс на честный поединок с тем, кто превосходит его по силам.

Но это только красиво звучит – «поединок». На самом деле это своего рода игра в догонялки и прятки одновременно – колдовская сила ши-дани против человеческой воли и гибкости разума. И начинается эта игра с момента, как заклинатель вложит всю свою мощь и силу в одно-единственное Заклятие Петли. Почти каждый обремененный Условиями человек знаком с этим простым и легко изучаемым заклинанием – оно позволяет изловить ветер, направить дождевые тучи в сторону полей, ухватить в ладони самую суть огненной стихии и метнуть ее во врага, приподнять кувшин над столом и наполнить чашу. Но почти никто не использует это заклятие для той единственной цели, для которой оно когда-то было создано.

Для проникновения в самую суть волшебного создания, внутрь той обжигающе-горячей искры, что заменяет ши-дани душу.

Заклятие Петли, если вложить в него достаточно сил, способно соединить алую острокрылую птицу человеческой души и мерцающий огонек ши-дани тонким, но прочным мостом, и пока этот мост держится, человек способен отыскать то истинное имя, что дает власть над волшебным созданием.

Но дана будет лишь одна попытка. И есть лишь один шанс на успех – вложить в колдовскую Петлю все доступные силы, снять все щиты и барьеры и надеяться лишь на удачу и собственную волю. Три круга дадут достаточно времени, чтобы заклинатель отыскал нужное имя и назвал его вслух. Если угадает, хрустально-зыбкая связь станет прочнее стального каната и перестанет причинять боль. Она станет тонкой, как шелковая нить, неразрывной, подобно связи души с телом, станет тем самым перекрестком, на котором сольются воедино две дороги жизни – ши-дани и человека. Смешаются и надвое разделятся и колдовская сила, и жизненный срок – но только если на то будет желание обоих.

Если же заклинателя постигнет неудача и связь оборвется, не успев окрепнуть, если озвученное имя окажется неверным... На этот случай надо иметь в рукаве нож или кинжал –

он подарит легкую смерть, в отличие от разъяренного ши-дани, который способен растянуть мучения неудачливого заклинателя, осмелившегося посягнуть на его свободу, на долгие-долгие годы...

Я читала, все глубже погружаясь в описание ритуала, подобное которому я действительно не раз и не два встречала в байках и легендах, но никогда не придавала ему значение. Как распознать, что наткнулся на истинное имя, которое звучит изнутри волшебного создания? Как понять, что гудящее в голове слово и есть нужное? Вопросы возникали один за другим, но тонкая книжица не давала на них ответа, только один-единственный совет – держать душу открытой. Истинное имя непременно отзовется, оно всегда отзывается – но распознать его сумеет далеко не каждый. Ши-дани будет стараться запутать, отвлечь, не дать сосредоточиться на главном, искать у тебя в душе все то, что позволит ему сбить тебя с правильного направления, упустить суть происходящего. А это – верная смерть для заклинателя. Как и неверно озвученное истинное имя...

Неожиданный грохот заставил меня подскочить на лавке, смахнув со стола не только пару свитков, но и «путевые заметки», которые от удара о пол рассыпались на стопку разрозненных листочков и разлетелись в разные стороны. Я опасливо встала и осторожно выглянула из-за стеллажа с книгами, ежась от неожиданно холодного сквозняка.

– Всего лишь окно, – с явным облегчением вздохнула я, увидев распахнувшуюся оконную створку, которая едва заметно покачивалась на петлях. – И какой умник в такую погоду не закрыл его как следует?

Не переставая бормотать себе под нос, я обошла два ряда деревянных книжных шкафов, полировка на которых уже давно была исцарапана и истерта, подтащила к широкому подоконнику тяжелый табурет и, взобравшись на него, аккуратно закрыла оконную створку. С тихим щелчком вошел в пазы миниатюрный засов, я пару раз подергала за ручку, убедившись, что окно надежно заперто, и вернулась к своему столу в читальном зале.

И сразу же поняла, что помимо меня, в пустынной библиотеке, залитой ярким магическим светом, есть еще кто-то, и это осознание ледяным комом встало в горле, не давая вздохнуть полной грудью.

На полу по-прежнему лежали уроненные со стола свитки – один развернулся, демонстрируя поблекшую со временем гравюру с защитным знаком, который, будучи выбитым на пластинке из холодного железа, оберегал от фэйри, уголок второго виднелся под лавкой. У ножки стола все еще валялась кожаная обложка от дневника менестреля, но вот сами страницы, которые рассыпались по полу при падении, бесследно исчезли.

Я ощутила чье-то присутствие, резко обернулась, даже не успев толком испугаться – и столкнулась с холодным, немигающим взглядом Наперстянки. В тонкой с длинными пальцами руке фэйри были зажаты желтоватые исписанные листочки, которые вспыхнули зеленоватым пламенем и обратились в пепел раньше, чем я успела хоть что-то предпринять, чтобы спасти рукописи неизвестного менестреля.

– Не тем интересуешься, девочка, – Наперстянка перебрала пальцами, картинно стряхивая с них на пол библиотеки хлопья серого пепла. – Некоторые знания очень и очень опасны. Я бы сказала – недопустимо, смертельно опасны...

Она шагнула ко мне, наклонилась, растягивая красивые губы в жуткой ухмылке. Блеснули мелкие заостренные зубы, фэйри потянулась было ко мне – но неожиданно отшатнулась, выпрямилась, с отвращением и ненавистью на лице хватаясь за грудь.

– Совет...

Мгновение я думала, что она сейчас обрушит что-нибудь мне на голову напоследок, но фэйри лишь прошипела что-то сквозь зубы, резко повернулась, так, что яркая юбка вихрем взвилась вокруг стройных длинных ножек, обутых в красные туфельки, и торопливо удали-

лась, нарочито громко стуча каблуками по деревянному полу. Так, будто вбивала по гвоздю в крышку чьего-то гроба.

Именно тогда, сидя на полу в библиотеке и глядя на пепел сожженной книги, я и подумала, что лучше вложу все, что у меня есть, в одну-единственную попытку обрести защитника, чем привяжу к себе волшебное существо, дрожащее от ненависти и отвращения к своему «хозяину».

Вопреки всем гаданиям, «бабье лето» в Дол Реарте затянулось неожиданно надолго – золотой, наполненный летним теплом, сентябрь пролетел быстро, как на крыльях, а пришедший следом октябрь всего неделю поплакал дождями прежде, чем расцвести ясными прохладными днями. И хоть ночью от реки разливался ледяной густой туман, а поутру пожухлая желтая трава оказывалась покрытой белым налетом инея, днем приближение зимы не ощущалось.

Но Самайн не отменит ни непривычно теплая погода, ни ясные солнечные дни, и я почему-то ощущала это особенно остро. Что-то неумолимо тянуло меня прочь от надежных каменных стен Одинокой Башни, таких надежных и крепких, опутанной частой сетью защитных и отвращающих нечисть заклинаний, прочь от холодного Дол Реарта, от привычных мест и снежных вершин Цзиррея.

На юг, к перекрестку торгового тракта, и дальше за горизонт.

Вначале это чувство было слабым, едва-едва царапающим меня изнутри – так мешает комариный укус, который неудержимо тянет расчесывать едва ли не до крови, но ты с помощью усилий воли и примочек стараешься это желание попросту перетерпеть. Но чем ближе был Самайн, тем оно становилось все сильнее и сильнее. Не раз и не два я просыпалась среди ночи и тихонько, стараясь не разбудить соседку по комнате, прокрадывалась к окну и смотрела в темно-синее, почти черное небо, по которому медленно плыла от ночи к ночи растущая луна, и лишь вдоволь наглядевшись, ложилась обратно в уже остывшую кровать...

Но в одну ясную холодную ночь я так и не смогла заснуть. Долго вертелась без сна, а затем встала и, набросив поверх сорочки теплый, застиранный до нежной мягкости суконный кафтан, бесшумно выскользнула из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Бродить по мрачным каменным коридорам я не решилась – несмотря на уверенность, что никто и ничто чуждое, иное, нечеловеческое не сумеет пробраться внутрь Башни без особого приглашения, меня пугала каждая излишне глубокая тень, залегающая в углу или под потолком. Мне чудилось, будто из бездонной черноты за мной что-то наблюдает – пристально, внимательно, провожая взглядом от тени к тени, и я нередко едва удерживалась, чтобы не пересекать галереи Башни бегом, поменьше глядя по сторонам, и уж точно не оборачиваясь через плечо.

Я спустилась вниз, к общему залу, откуда мне слышались чьи-то голоса. Бессонница среди вечно занятых, вечно что-то изобретавших волшебников Одинокой Башни была не редкостью, и довольно часто возвращавшиеся с ночного сбора трав ученики натывались на кого-нибудь из старшего поколения, увлеченно занятого составлением какого-нибудь рецепта, а то и попыткой его апробировать.

Но сегодня голоса были другими, необычными. Один журчал, переливался тихим смехом, перескакивая с одного звука на другой с небольшой, едва слышной заминкой, будто бы огибая излишне твердые согласные и нарочито перекачивая на языке гласные звуки. Второй звучал отрывисто, твердо и рокочуще – так гудит гора перед камнепадом, дрожат, сдвигаясь, огромные пласты земли прежде, чем устремиться вниз по склону неуправляемой, беспощадной и неудержимой каменной рекой, сметающей все на своем пути.

Я тихонько прокралась к входу в общий зал и заглянула в щелочку, оставшуюся между косяком и неплотно прикрытой дверью. Журчащий, подобно летнему ручейку, голос принадлежал Айви, которая сидела на табурете у камина, подобрав длинный подол зеленого платья

и совершенно не стесняясь своих оленьих ног с изящными золотистыми копытцами, а второй, мужской – человеку, закутанному в плащ с капюшоном. Айви о чем-то спрашивала, но я, как ни старалась, не могла разобрать ни слова, а гость ей отвечал – гулко, взвешенно, короткими рублеными фразами. Так камни падают в глубокий колодец – тяжело, отвесно, с единственным всплеском.

Неожиданно Айви замолчала – и повернулась к дверям, уставившись светящимися, как у кошки, глазами, прямоком в щель, на меня. Качнулась, будто падая с табурета и ускользая из поля моего зрения – и меньше, чем через мгновение, оказываясь вплотную к двери, резко дергая ее на себя. Я взвизгнула, чувствуя, как сердце камнем падает куда-то вниз – и от испуга, и от неожиданности, вваливаясь в зал и падая на каменный пол, ссадив себе неловко выставленные ладони и обе коленки.

– Арайя! – голос летницы уже не журчал, подобно ручейку. Он шумел, как переполненная ливнями река, вышедшая из берегов и стремительно несущая волны с высоких гор в долину. – Что ты здесь делаешь?!

– Мне не спалось, и я...

– Оставь ее, – человек, сидевший за столом, поднялся и откинул капюшон. На бородастом лице расцвела знакомая улыбка. – Не видишь – девочку зовет Дорога. Потому и не спится ей даже в волчий час.

Дядька Раферти усмехнулся, проводя широкой ладонью по встрепанной гриве волос, и неожиданно подмигнул мне.

– А я здесь как раз вовремя, чтобы проводить ее. – Улыбка бродяги стала чуть шире. – Заодно напомнить несколько уроков, которые она, похоже, позабыла с того времени, как переступила порог этой башни и стала учиться колдовству. Арайя, ты знаешь, почему эта... леди смогла очутиться рядом с тобой так быстро?

– Потому что... – я села на каменном полу, излишне пристально глядя на свои ладони, покрасневшие, пульсирующие быстро затихающей болью. Что-то вертелось на языке, что-то позабытое, случившееся давным-давно...

...Под жарким южным солнцем дорога высохла, превратившись в запыленную бледно-желтую ленту, убегаящую куда-то вдаль. Я с трудом шла по этой раскаленной ленте, от которой поднималось удушливое сухое марево, шаркая ногами и поднимая облачка мелкой пыли, оседавшей на ногах. Я устала, мне хотелось пить, истрепанная рубашка противно липла к мокрой от пота спине, затылок гудел. Если бы не сильная, жесткая, будто дерево, рука дядьки Раферти, за которую мне приходилось цепляться с упорством кустов, лепящихся к голым скалам над морем, я давно бы упала.

Я споткнулась, и тотчас доселе неподвижная рука взрослого извернулась, ловя меня подмышку и не давая клюнуть носом в пыльную дорогу. Прохладная ладонь осторожно легла мне на макушку, пощупала лоб.

– Эге, малая, да ты перегрелась. Чего молчала-то, могли бы в теньке передохнуть?

– А вдруг... ты меня б оставил? – тихо выдохнула я, разглядывая мелкие камушки на дороге. – Я не хочу... быть обузой.

Бородач только вздохнул, покачивая головой, ухватил меня поперек живота, как в деревне у нас брали козлят, чтобы те не упирались почем зря, водрузил на плечо и размеренной быстрой походкой направился к ближайшим деревьям. Высушенные жарой, с наполовину облетевшей, ломкой листвой, они давали хоть какую-то тень. Раферти сгрузил меня у узловатых корней, выступающей из твердой, будто камень, земли, сунул в руки откупоренную флягу и уселся рядом. Подождал, пока я вдоволь наглотаюсь теплой воды, забрал флягу и внимательно посмотрел на меня сверху вниз.

– Запомни, малая. Если я дал тебе обещание, что провожу тебя по дороге до места, где тебе захочется начать новую жизнь, это означает, что я так и сделаю. Неужели ты думала, что давая это обещание, я не знал, что ты всего лишь маленькая девочка, которая и вполтину не так вынослива, как я, что дорога будет даваться тебе тяжело, и уставать ты будешь гораздо быстрее меня? Ты думаешь, я настолько глуп?

Я только помотала головой, отводя взгляд – прошло всего две недели, как ко мне вернулся голос, и я еще не избавилась от привычки отвечать жестами, а не словами. Раферти тихонько усмехнулся и легонько огладил меня широкой ладонью по макушке.

– Не бойся просить о необходимом у того, кто взял тебя под опеку, пусть даже временно. Если он сильнее и опытнее, он и так догадался о твоих слабостях и был согласен с ними заранее, давая обещание. Но ему будет гораздо труднее его выполнить, если вместо кратких остановок для отдыха, когда ты устанешь, ему придется нести тебя, измученную собственной глупостью и гордыней, на руках. Ты меня понимаешь, малая?

Я пристыжено кивнула, глядя на блеклую ленту дороги, над которой дующий с востока ветер поднимал клубы пыли. Ой, нет, не пыли! В знойном мареве, едва заметное в пыли, танцевало нечто почти невидимое, похожее на переплетенные струйки крошечных смерчей. Оно двигалось изящно, не касаясь дороги, плавало и изгибалось в колышущемся от жара воздухе... Я дернула Раферти за рукав, указывая в сторону пляшущего ветра, моргнула, на мгновение отведя взгляд, и с изумлением поняла, что странное нечто пропало. Только что было – и уже нету. Почудилось, что ли?

– Да нет, тебе не показалось, – я вздрогнула, посмотрела на бродягу. – Это был воздушный фэйри, в общем-то, безобидный и почти незаметный мальчик.

– А ... как... – слова я до сих пор выдавливала с трудом, будто бы язык и горло позабыли, как это – извлекать звуки – и до сих пор ощущались чуждыми и будто онемелыми.

– Как он исчез? Очень просто, девочка – ты отвела взгляд. – Раферти посмотрел на меня, и на этот раз карие глаза его были серьезны и непривычно холодны. Запомни, Арайя. Далеко не на всех волшебных созданий можно смотреть, не всех можно увидеть, и уж точно – почти никогда не следует оглядываться через плечо, если чувствуешь, что фэйри близко и наблюдает за тобой. Но если уж так случилось – не отводи взгляда. Потому что пока ты, не мигая, смотришь в глаза фэйри, ши-дани или, не приведи Хранитель, существу из Сумерек – он не может передвигаться с привычной ему молниеносной скоростью, не может оказаться у тебя за спиной меньше, чем за удар сердца, и вырвать тебе горло. Не старайся увидеть волшебных созданий без нужды. – Повторил он, глядя мне в лицо серьезным, темным взглядом. – Но если увидела...

– Если увидела – не отводи взгляд, – пробормотала я, все так же сидя на каменном полу в общем зале Одинокой Башни и рассматривая ссаженные ладони.

Я вспомнила тот пыльный тракт на далеком юге, жаркий день, пляшущий в зыбком раскаленном мареве вихрь – и слова Раферти. Странно, что они все-таки позабылись, ведь тогда, под тяжелым суровым взглядом бродяги, который казался мне в тот момент величественней любого короля из ушедших эпох, я думала, что запомню их навсегда.

– Я рад, что хоть что-то из моих давних уроков осело у тебя в голове, – Раферти довольно улыбнулся, подошел ко мне и наклонился, протягивая мне руку, за которую я и уцепилась, чтобы встать. – Значит, не все потеряно, тебе осталось лишь слегка поднапрячься, чтобы припомнить остальные. Поверь, тебе они пригодятся.

– А если не припомню? – негромко, с непривычным внутренним сомнением поинтересовалась я. И сразу почувствовала, как теплая шероховатая ладонь, сжимающая мою руку, холодеет и становится твердой, как промерзшее дерево.

– Вспомнишь, – тихо ответил Раферти, и в его голосе я уловила рокошующие отзвуки катящейся с горы каменной лавины. Мой взгляд, опустился ниже, останавливаясь на тусклой медной застежке его лоскутного плаща, тусклой, нечищенной, позеленевшей от времени. Посмотреть ему в глаза я так и не решилась – страха не было, лишь трепет перед чем-то... старым, древним, как само время и нехоженые, неизвестные пока людям тропы. – Когда придет время, обязательно вспомнишь. Иди, собирайся в дорогу, Арайя. Если, конечно, ты еще не передумала.

– Нет, не передумала, – я потерла ладони друг о друга, глубоко вздохнула и направилась к дверям, когда меня остановил негромкий оклик старого бродяги.

– Эй, малая. Глиняную птичку, что я тебе когда-то оставил, захвати с собой. Пригодится, вот увидишь.

Птичку?

Свистульку же!

Я машинально кивнула и заторопилась вверх по лестнице, еле слышно шлепая войлочными тапками по каменным ступеням. С того дня, как я отыскала и прочла в записках неизвестного менестреля о Заклятии Петли, у меня все никак не шло из головы, что мне может помочь исполнить этот ритуал правильно, но не находила ответа. Я десятки раз использовала Петлю, чтобы притянуть поближе дождевые облака или, наоборот, отослать их подальше от полей, это заклинание помогало приманить дичь во время охоты, сделать так, чтобы заблудившийся путник вышел на дорогу к дому, но ни разу это заклинание не забираало все силы – лишь самую малость. Как вложить в заклинание всю свою колдовскую силу до доньшка одним махом? Ведь мощностъ Петли наращивают постепенно, будто свивая невидимую веревку из колдовской силы, а тут, получается, надо за удар сердца вложить все, что есть, мгновенно сплести толстенный волшебный канат, который сумеет какое-то время удержать сумеречного фэйри – а другие в ночь Самайна и не показываются – на привязи.

Вот незадача. И подсказать некому.

Тихонько скрипнули петли, когда я шмыгнула в нашу с Кристой комнату и осторожно прикрыла за собой дверь, не желая разбудить соседку. Криста здесь недавно – ей шестнадцать, она жила где-то в Заречье, это на запад от славного города Вортигерна. Ее выгнали из родной деревни, когда узнали, что она колдунья, Обремененная Условиями, и Условия девочке достались жутковатые – силу она обретала лишь при свете северной звезды, когда землю обгагрят кровь, выпущенная из живого тела. Криста пыталась спасти своего брата, который на ночном покосе глубоко поранил ногу о лезвие косы – то ли фэйри под локоть толкнул, то ли заяц из-под ног выскочил. Так или иначе, но, когда ее брата, истекающего кровью, донесли до деревни, рыдающая в голос, едва-едва заневестившаяся девчонка слепила края раны, заживила ее, оставив грубый и некрасивый шрам, и все бы ничего, да вот только кровь, что пролилась во время волшебания ей на руки, исчезла, как будто ее не было. На подоле, на рукавах, которые она в спешке не засучила – осталась. А вот на руках – нет, будто бы впиталась в кожу вместо того, чтобы высохнуть липкой багряной корочкой. Вот и выгнали ее сельчане, и хорошо еще, что на вилы не подняли – брат и отец не допустили. Сказали, что пускай сестра и дочь у них ведьма, но жизнь она спасла. А значит, и ей жизнь оставить надо. На том и порешили – вытолкали девчонку за забор, в чем та была, одна мать только успела ей в руки сунуть каравай хлеба в полотенце и вязаный платок, и под страхом смерти велели не возвращаться. Криста прибилась вначале к бродягам, потому – к странствующим комедиантам, а когда оказалась в конце весны в Дол Реарте, ее увидел волшебник из седьмого поколения, тоже «темный», обретающий силу безлунной ночью, почуял в ней колдовскую силу и привел в Одинокую Башню. Тогда она даже читать и писать не умела, только танцевать да кошельки срезать хорошо получалось, но сейчас вроде бы остепенилась, за ум взялась...

– Арайя, ты куда собралась посреди ночи?

Я вздохнула. А слух у нее до сих пор, как у дикой кошки.

Тихо шелкнул огненный амулет – и тонкий лепесток пламени дотронулся до свечи, стоявшей на тумбочке рядом с Кристиной кроватью. Я посмотрела на сонную, с всклокоченными во время сна пушистыми светлыми волосами, соседку и подошла к своему сундуку, доставая оттуда теплую одежду – плотные шерстяные штаны с кожаными заплатами на коленях, чтобы удобней было ползать по земле, выискивая нужные травы весной и осенью, две рубашки, суконную жилетку с двумя десятками карманов и простеганную куртку, зачарованную от промокания. Пара потрепанных, но еще крепких сапог, смена белья... Я всегда была легкой на подъем, особенно сейчас, когда для того, чтобы отправиться в дорогу, достаточно было одеться потеплее и вытащить из-под кровати заранее собранную сумку, носить которую полагалось за спиной на двух широких кожаных лямках, наподобие кузовка.

– По делу, недели на две. Кто ж виноват, что провожатый приехал не днем, как я ожидала, а посреди ночи?

– Смотрю, ты давно уже готовилась, – Криста села на постели, спустив на пол ноги с длинными, узкими ступнями. – Сумку уже собранной держала. Старшие знают?

Я помолчала. Качнула головой.

– Так я и думала, – соседка сладко зевнула, потянувшись, будто кошка. – Сбегаешь, значит. Может, и меня с собой прихватишь, а?

– Криста...

– Да шучу я, – она хихикнула, потом сунула руку под подушку и выудила оттуда тонкий нож с деревянной рукояткой в простых ножнах. Такой легко спрятать и за голенищем сапога, и за поясом штанов, и в рукаве. – Держи, пригодится еще. Не как оружие, так хоть как талисман – лезвие у него из холодного железа, а ты и так каждой тени шарахаешься. Держи поближе к телу, и ни один фэйри к тебе и близко не подойдет.

– Спасибо, – растерянно пробормотала я, беря нож и разглядывая причудливые вензеля, вырезанные на рукоятке. – Откуда красота такая?

– Да я почему знаю, – беззаботно пожала плечами Криста. – С собой принесла, из прошлой жизни, считай. Ты, кстати, не думай, я его тебе не насовсем дарю. Вернешься – отдашь. – Она белозубо улыбнулась, подмигнула мне, забираясь обратно в кровать и накрываясь одеялом по подбородок. – И только попробуй не вернуться, Арайя.

– Да вернусь я, вернусь. Никуда не денусь, – усмехнулась я, пряча нож за голенище сапога и хлопывая себя по карманам стеганой куртки, проверяя дорожные мелочи.

Один из карманов как-то подозрительно оттопыривался – я сунула в него руку и, к своему удивлению, извлекла глиняный свисток. Маленькую птичку с раскрытым ключиком и смешно выпученными глазками. Тот самый, который когда-то давно, еще в детстве, вручил мне Раферти. Интересно, когда я его успела сунуть в карман куртки? Думала, что его искать по всем углам придется, а вот поди ж ты...

Я взяла сумку за широкую кожаную лямку, забросила ее на плечо и шагнула к двери. Криста приподнялась с постели, чтобы задуть свечу, посмотрела на меня – и неожиданно подмигнула.

– Удачи, Арайя.

Я кивнула и вышла из комнаты, оставив за спиной мгновенно сгустившуюся тьму и запах свечного дыма...

Глава 4

Ночь была светлой и ясной. В небе – ни облачка, только частые россыпи звезд, узкий серпик молодого месяца, уже тускнеющий, соскальзывающий к горизонту, да мерцающая лента, Невестино Полотно, пролегла от горизонта до горизонта. Тишина обступает со всех сторон – звонкая, чистая, как прозрачная льдинка, такая бывает только осенью, когда тепло бабьего лета осталось позади, но проливные дожди еще не начались. Стылый ветер поднимается со стороны Ленивки, гонит в сторону Одинокой Башни густые клубы молочно-белого тумана. Еле слышно хрустят под ногами мелкие камушки, усыпавшие хорошо утоптанную дорогу, пар от дыхания легким облачком на мгновение зависает перед лицом и рассеивается без следа.

Снова в дороге...

Я скосила взгляд на Раферти, который неторопливо шел рядом со мной, беспечно помахивая кривоватой дорожной палкой и придерживая свободной рукой значительно отяжелевшую от припасов из Одинокой Башни сумку. Из дыры на ее боку забавно высывались перья проросшей луковицы, а лямка, казалась, была готова вот-вот оторваться вместе с большим кожаным лоскутом, который непонятно каким чудом до сих пор удерживался на месте. Вечно растрепанная грива кудрявых с проседью волос почти касалась кончиками широких, чуть сутуленных плеч, как будто Раферти наконец-то стал уступать прошедшим годам и клониться чуть ниже к земле. К дороге, с которой он, казалось, никогда и не сходил.

– Ты почти не изменился, – тихо произнесла я, отводя взгляд. – С того дня, как я переступила вместе с тобой через порог таверны, где работала моя мать. Ты такой же острый на язык старый бродяга, и прошедшие с той поры годы не только не согнули тебя, они даже седины в бороду не добавили.

– Может потому, что в ребре у меня давным-давно поселился беспокойный бес? – Раферти усмехнулся. – Ты тоже не слишком изменилась, малая. Конечно, ты стала чуть повыше, голос стал погромче и ты вместо того, чтобы дать пощечину нахалу, укравшему у тебя поцелуй, поджигаешь ему штаны с помощью колдовства. Но в глубине души ты все та же маленькая девочка, немеющая от страха перед темнотой. Вернее, перед тем, что в этой темноте может скрываться.

Я почувствовала, как к щекам жарко прилила кровь и смущенно пробормотала:

– Так ты все видел?

Густой, сочный хохот бродяги расколол ночную тишину, как брошенный камень вдребзи разбивает тонкий ледок, которым успело подернуться только-только замерзшее озеро. Раферти взмахнул палкой, с силой стукнул нижним ее концом о землю – и тишина рассыпалась окончательно. Откуда-то начало доноситься уханье совы, птичья перебранка, зашумели кроны деревьев, зашуршала подгоняемая ветром палая листва. Я невольно втянула голову в плечи и шагнула поближе к бородачу, внезапно уловив движение в густой тени, притаившейся у обочины дороги по левую руку.

– Малая, да это много кто видел, а тем, кто увидеть не успел – рассказали в подробностях. Не каждый вечер все-таки менестрелям девки в отместку за поцелуй штаны поджигают, да еще хорошо так. Дырища-то, говорят, во все причинное место была, едва самое ценное ты мужику не спалила. – Раферти улыбнулся еще шире, по-отечески приобнимая меня за плечо. – Хотя если бы и спалила, не думаю, что местные на тебя в обиде были б. Менестрели, они ж не только песни складывают да на лютнях играют – они еще и девок портят за здорово живешь. И хорошо, если девица, поддавшись на складные речи и хорошее обращение, не окажется через полгода с пузом поперек себя шире.

Предраассветная тень, притаившаяся у обочины дороги, чуть просветлела, будто бы на нее упал наконец зыбкий, неясный свет молодого месяца, высветив контуры палой листвы и комьев глины. Я подняла голову – небо на востоке постепенно серело, звезд становилось все меньше, а месяц казался подтаявшей зеленоватой льдинкой на бархатисто-синем фоне.

– Ты многое замечаешь, – после недолгого молчания произнес Рафerti, размеренно шагая по дороге и направляясь к перекрестку, расходящемуся «вилкой» на два пути – один вывел бы к северному тракту, проходящему через единственный известный людям цзиррейский перевал, второй, после недолгого петляния, поворачивал к югу. – Кое-кто сказал бы, что слишком многое. И научилась ты этому не в Одинокой Башне, а у берега далекого моря-океана, в своей родной деревне. Вот и ищешь себе волшебного слугу, спутника, защитника – как получится. Потому что прекрасно знаешь о том, что бывает, если слишком хорошо всматриваться в бездну.

– Она рано или поздно посмотрит на тебя в ответ, – я передернула плечами, поправила лямку заплечной сумы. – Нам говорили, что в старые времена Сумерки могли выглянуть из любой, кажущейся слишком густой тени, что граница между Сумерками и человеческим Срединным миром была слишком зыбкой и ненадежной, но потом что-то произошло – и она стала нерушимой. Фэйри – это те, кто не успел вернуться домой, кто остался и, будучи отрезанными от источника своих сил, были вынуждены заключать союзы с людьми, чтобы выжить среди них. Ведь так?

– Почти, – Рафerti улыбнулся. – Люди слишком мало знают о фэйри, поэтому могут лишь догадываться о том, почему случилось так, как случилось. Хотя они правы в том, что корни этого «молодого народца» тянутся на изнанку тени, потому нередко она смотрит на Срединный мир из их глаз. Поэтому не старайся без нужды смотреть фэйри в глаза, но, если все-таки посмотрела – не отводи взгляд, малая. И тогда, быть может, ты проживешь чуточку дольше.

Я не ответила – лишь передернула плечами, будто стряхивая с них нечто невидимое, невесомое, налипшее на непромокаемую стеганую куртку, похлопала по карманам, выуживая узкую плетеную ленту, и повязала ее на голову, прижав непослушные кудри, будто обручем. Проверила, удобно ли прилегает к спине тяжелая заплечная сумка. Дорога, несмотря на поздний – хотя, вернее было бы сказать «очень ранний» – час, легко ложилась под ноги, потому и до перекрестка, к которому обычным ходом идти было часа полтора, мы добрались гораздо раньше. Небо только-только начало розоветь, сгустившиеся было предраассветные сумерки – отступать, а мы уже стояли у столба с прибитыми к самой верхушке его дорожными указателями. Один на север, второй на юго-восток.

– Пришли, – хмыкнул бородач, покачивая дорожной палкой и глядя по сторонам. – Так кого ты себе в защитники искать надумала, Арайя? Дневного фэйри, кто покорится тебе легко и беспрекословно, или же дитя холодной грозовой ночи, буйных ветров и острых граней, чье повиновение придется завоевать в жестоком бою? Полегче и покороче дорогу решила выбрать, или все ж потруднее и подлиннее?

Я почувствовала, как стылый, пахнувший первым морозцем воздух вокруг меня чуть сгустился, будто бы напитался влагой и готовился превратиться в туман, как звуки слегка отдалились, стали приглушенными и нечеткими, а вот перекресток и Рафerti, стоящий у высокого, изъеденного временем и исписанного на высоту человеческого роста непристойностями и заметками – наоборот. И бородач, и дорожная развилка были четкими, яркими, в то время, как остальной мир будто бы затянула легкая туманная дымка.

Нечто подобное я ощущала только раз, когда бродяга с короткой, седеющей уже бородой спросил меня, желаю ли я, чтобы он помог мне ступить на Дорогу. Тогда я согласилась – и жизнь моя, перевернувшись, навсегда отрезала мне путь к родному дому.

И сейчас, похоже, обратного пути уже не будет. Прокатится у меня за спиной тяжеленное железное колесо судьбы ободом, края которого острее лезвия самого лучшего на свете меча. Прокатится – и отрежет мое прошлое, как кусок льняного полотна. Как не вернулась я в рыбацкую хижину на скалистом берегу моря, так и Одинокая Башня перестанет называться моим домом, оставшись далеко позади. А впереди – шанс избавиться от изматывающего страха, от тьмы, что тысячей глаз наблюдает из каждой глубокой тени, от дрожи в кончиках пальцев на закате, когда чувствуешь, что колдовская сила утекает из тебя, как вода из треснувшего кувшина, оставляя тебя будто слепой, глухой и беззащитной...

– Я пойду длинным путем, – тихо ответила я. – За сильным защитником. Потому что слабый – это еще одна наблюдающая за мной бездна, которая рано или поздно меня поглотит.

– Да будет так, – серьезно кивнул Раферти, с силой ударяя кривой дорожной палкой о землю и протягивая мне крепкую мозолистую ладонь. – Идем, Арайя. Я выведу тебя на начало выбранной дороги, а уж дальше тебе придется идти самой. Не отводи глаз, девочка, и не оборачивайся назад, если хочешь дойти до конца. Ну, с Хранителем.

Я глубоко вздохнула – и шагнула вперед, вкладывая свою ладонь в непривычно прохладную руку старого бродяги. Он неожиданно тепло улыбнулся, залихватски подмигнул – и шагнул вперед. Не направо и не налево от дорожного указателя – прямо, туда где мгновение назад еще не было никакой дороги – только широкий луг, поросший желтой, прибитой дождями и непогодой к самой земле травой. Но стоило Раферти только сделать шаг вперед, как Дорога – величественная, выложенная серебряными плитами, окутанная густым туманом – появилась под нашими ногами, развернулась, будто бесконечно длинный рулон драгоценной парчи, и скрылась в туманной дымке.

Крепкая, стремительно остывающая, будто на морозе, ладонь, сжимающая мою руку, неожиданно разжалась, и Раферти пошел вперед.

И мир сдвинулся, оставив только серебряный путь, прямой, как стрела, густой молочно-белый туман, и массивную, быстро удаляющуюся фигуру бродяги. Я спохватилась, устремилась следом – и тотчас в лицо мне хлестко ударил холодный северный ветер, несущий колкие льдинки. Он взметнул мои волосы, мгновенно пробрался под одежду, выстуживая, выгоняя живое тепло, но я упрямо шла за Раферти, оскальзываясь на гладкой, как лед, бликующей Дороге.

Шаг, еще один...

Ветер яростно взвыл, швыряя мне в лицо пригоршню колкого снега, и сквозь метель я разглядела, что впереди идет уже не тот Раферти, который вывел меня за руку на эту колдовскую Дорогу, а кто-то другой, величественный, незнакомый, суровый и неsgiбаемый. Потому как нельзя было спутать его с тем существом в жемчужно-серых, будто запыленных одеждах, что размеренно шло впереди, сжимая в правой руке янтарно-желтый костяной посох, каждый удар которого по серебряной Дороге отзывался болезненным толчком под сердцем.

А ведь это уже было...

Лет семь назад, покинув родной дом у берега далекого моря, я уже шла по этой льдисто-серебряной Дороге, но не было тогда ни зимнего ветра в лицо, так и норовящего оттолкнуть, задержать, заставить повернуть назад. Была лишь холодная ладонь, цепко держащая меня за худенькое запястье, и жемчужно-серый обтрепанный плащ, под полкой которого я чувствовала себя в полной безопасности. Тогда мне было велено не поднимать взгляд – потому я запомнила лишь идеально подогнанные друг к другу серебряные плиты Дороги, покрытые причудливой узорчатой вязью, да еще свои ноги в грубых истоптанных башмаках, в которых стыдно было ступать по такой величественной волшебной красоте.

А сейчас я шла сама, сражаясь с холодным ветром, скользя по гладким узорчатым плитам и думая лишь о том, как не выпустить из виду величественную фигуру в пепельно-серых одеждах с костяным посохом в бледной руке.

Не отводить взгляд, не поворачивать назад...

...Стук посоха – как размеренные удары сердца в глубокой тишине, обступившей волшебную Дорогу, выложенную серебряными плитами. Такой красоты я никогда не видела, даже в полнолуние, когда луна, поднимаясь над беспокойной водой, порождала перистую мерцающую дорожку на темных волнах. Узоры, выбитые на серебре, постоянно менялись – казалось, они плавно перетекают из одного в другой, странные символы то и дело сменяются понятными рисунками. Солнце, завиток волны, оскаленная волчья морда, дерево с невероятно длинными корнями и раскидистыми ветвями, нож с лезвием, похожим на вытянутый ивовый листок – и вновь непонятные значки, похожие на плетение дорогих заморских кружев. Такие я только раз в жизни видела на какой-то знатной даме, стоявшей у борта корабля, пока тот делал в нашем порту короткую остановку, чтобы пополнить запасы воды...

– Арайя.

Я вздрогнула от голоса, густого и гулкого, пробирающего до глубины души и рокошующего, как камнепад, но помня предостережение, голову не подняла. Нельзя ни поднимать взгляд, ни разговаривать – только идти, куда поведут, слушать и запоминать, если что скажут. Макушкой я чувствовала взгляд – тяжелый, почти осязаемый, пронизывающий насквозь, будто ледяной зимний ветер.

– Дорога – как жизнь. Иногда ты выбираешь ее, иногда она – тебя, но это ты идешь по ней.

Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, но так и не дождалась. А потом серебряные плиты неожиданно закончились, и под ногами у меня оказалась самая что ни на есть обычная дорога – хорошо утоптанная, с двумя глубокими колеями от тележных колес, с чахлой пыльной травой на обочине.

– Эй, малая! – голос старого бродяги звучал весело, громко, и совсем не напоминал голос того странного существа, которое вело меня по пути из серебра. – Голову-то подними, гроза собирается, надо укрытие искать.

Предупреждение запоздало – я уже чувствовала душное знойное марево, окутавшееся со всех сторон, слышала глухой, еще далекий рокот грома. Первая капля дождя упала мне на нос, я недовольно пискнула – и тогда Раферти подхватил меня на закорки, велел держаться крепче – и припустил по неровному тракту к чернеющей на фоне еще голубого неба кромке леса, будто в самом деле надеясь обогнать накатывающий грозовой вал...

Я споткнулась и едва не упала. Машинально смахнула липнувшие к коже колкие снежинки и уставилась на письмена, ровными строчками покрывающие льдисто-серебряные плиты.

Иногда я выбираю ее, иногда – она меня, но...

Это я иду по Дороге.

Я выпрямилась и сделала шаг по узорчатой вязи. Я иду туда, где смогу обрести защитника, оставив позади тепло очага и дом, которым стала Одинокая Башня. Я иду, чтобы раз и навсегда избавиться от страха перед накатывающей с востока тьмой. Чтобы Сумерки не шептались у меня за плечами, а бездна перестала вглядываться в меня из переплетения глубоких теней.

Я иду по своей Дороге, и чужой мне не надо!

Шаг, еще один... и еще...

Ветер взвыл и резко утих, будто бы захлебнулся своей яростью, а я оказалась совсем рядом с высоченным, худым существом, держащим в правой руке костяной посох. Он стоял, будто дожидаясь меня, и хоть лицо его было надежно скрыто под глубоким капюшоном с неровным, обтрепанным краем, я ощущала его взгляд на себе, такой же, как семь лет назад – тяжелый, пронизывающий, всезнающий.

Я поравнялась с ним, глядя лишь вперед, в белесый туман, где пропадало серебряное узорчатое полотно пути. На миг задержалась, ощущая все нарастающее волнение, как перед прыжком с высокого утеса в блистающее под жарким летним солнцем, пронзительно-синее море, накатывающее рокоchущим прибоем на острые камни.

И пошла по мягко прогибающемуся под ногами зыбкому кружеву собственного пути. Мгла передо мной на миг рассеялась, расступилась, будто кто-то отдернул ее, как занавес, и я увидела путаную сеть извилистых дорожек, тысячи перекрестков, простирающихся так далеко, насколько хватало глаз. И среди них – ту, свою, которая сияла чуть ярче других, бриллиантовая путеводная нить в безумном лабиринте. И за миг до того, как туман вновь затянул Дорогу, я поняла, что эти бесчисленные тропки чем-то напоминали узорчатую вязь неизвестных букв, которыми были изрезаны серебряные плиты...

Я тряхнула головой и зашагала по этой тропке, узкой, едва на ширину ступни, прошла первый перекресток – и она внезапно раздалась, расширилась, превратившись в еще один выложенный серебряными плитами путь. Вот только письма на нем появлялись лишь после того, как я делала шаг вперед – на одну плитку, не больше. А вдалеке – чистые листы, которые мне еще только предстоит расписать собственной судьбой. Не повлияет на мой путь предназначение, предписание или чья-то иная воля, кроме моей собственной. Не направит меня чья-то добрая или злая рука, никто больше не поведет за собой, не подтолкнет в нужную сторону – только сама себя я направлю, выведу из лабиринта или загоню в ловушку. И винить мне будет больше некого.

Я иду по своему пути, и другого мне надо.

Еще шаг – и все окончательно пропало, а под ногами у меня оказалась раскисшая от проливных дождей земля, поросшая бурой жухлой травой. Я полной грудью вдохнула терпкий аромат поздней осени, прелой листвы и сырости, ощутила на лице противную мелкую изморось – и лишь тогда обернулась.

Рафerti стоял у меня за спиной, мягко улыбаясь, но глаза его оставались серьезными и сосредоточенными. Не говоря ни слова, он протянул мне свою дорожную палку, кривую, со сбитым о камни наконечником и выглаженным до блеска наверху и чуть наклонил голову.

Даже в сером, зыбком свете нового дня я заметила, что в волосах его появилась ранее не замеченная седина – теперь буйные кудри выглядели, будто припорошенные снегом, который никогда уже не растает. Я робко взялась за теплое дерево палки, и тут меня осенило, будто бы ударило промеж глаз.

В Одинокой Башне нам рассказывали не только о волшебных созданиях, о ши-дани, фэйри и фээриэ. Не только об Условиях колдовства, целебных травах и ритуалах говорили нам наставники, просвещая малолетних детей и подростков, одаренных волшебной силой. Говорили еще и о людях. О том, что только люди могут быть настолько по-разному одарены с рождения, а еще о том, что некоторые способности можно лишь приобрести. Слишком мало было родиться с подходящим даром, необходимо было еще заключить договор, соглашение – что угодно – с источником высшей силы. Нам рассказывали о Посредниках – людях, способных призывать созданий с изнанки тени, из Сумерек – но их становилось с каждым годом все меньше, и сейчас о них и вовсе мало кто слышал, и уж тем более не встречал. Говорили о волшебных мастерах, получивших бесценный дар от ши-дани за хорошую службу в течение семи лет и одного дня.

А еще рассказывали об Идущих по Дороге.

О людях со странной, непостижимой судьбой, которые заключали договор с божеством из давно ушедших незапамятных времен, с Хранителем Дорог. Они переступали порог собственного дома – чтобы больше никогда в него не вернуться и стать вечными бродягами, вестниками перемен, хороших или плохих, но всегда своевременных, необходимых для того, чтобы мир не застаивался, развивался, двигался вперед, не погружаясь в пучину разлагающего застоя, подоб-

ного медленной смерти. С их приходом ничего уже не оставалось неизменным – менялись людские судьбы, на месте пустошей возникали новые города или, напротив, уходили в небытие человеческие поселения. Их жизнью владеет божество тысяч путей, поэтому они живут как бы взаимы и могут уйти на покой, лишь когда придет их время, когда Хранитель Дорог решит, что путь должен быть завершен, но не раньше и не позже.

Так почему же я раньше не могла понять, кто такой Раферти?! Ну ладно в детстве, когда я и слыхом не слыхивала о таких людях, но сейчас-то?

– Ты наконец-то поняла, Арайя. – Старый бродяга едва заметно улыбнулся, крепкая, сухая ладонь накрыла мою руку, судорожно сжавшуюся на кривой дорожной палке. – Значит, пора.

– Но почему я раньше не понимала? – озадаченно пробормотала я. – Ведь это было так просто...

– Понимание некоторых вещей, сколь очевидными они не были бы, приходит только вовремя. Не раньше и не позже. Так же, как и появление Идущего по Дороге случается лишь тогда, когда приходит его время появиться.

– Ты ведь никогда не опаздываешь, да? – я невольно улыбнулась, глядя на бродягу снизу вверх и чувствуя себя уже не маленькой девочкой – а взрослой девушкой, которая наконец-то достаточно выросла для того, чтобы говорить на равных со своим родителем.

– Никогда. – Раферти залихватски подмигнул мне и убрал руки. – Но и не задерживаюсь дольше положенного. Тебе туда, малая, – он указал на спуск с холма, еле заметную в сером свете узкую дорожку, раскисшую от дождей. – Она выведет тебя к людям, а там сама разберешься. И еще кое-что, малая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.